РОВЕСНИК

12
1979

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Декабрь, 1979 год, № 12

«ДОЧКИ-МАТЕРИ» И ДРУГИЕ ОЧЕРКИ СОВЕТСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ О ПРОБЛЕМАХ СЕМЬИ В БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ

На первой странице обложки: твой дождь и твое солнце, твоя земля и твой мир, твой год и многие лета впереди. О чем же ты задумался, малыш? Наверное, тебе трудно было бы ответить на этот вопрос. И не торопись отвечать. Расти, взрослей, но постарайся не забывать этих минут светлой задумчивости, с которых начинается настоящая Жизнь.

4. СМОТРИТЕ: КАЖДЫЙ ГОД — ГОД РЕБЕНКА
6. **Уильям Сароян.** ВСТРЕЧА
7. **А. Нуйкин.** ГНЕЗДЫШКО АДА
10. **Дорис Тиерино.** ДОЧКИ-МАТЕРИ
12. РАССКАЗ КРИСТИНЫ Ф.
15. **Анна Ройфи.** «ВСЕ У НАС В ПОРЯДКЕ»
19. **И. Иванов.** ДОМ ДЛЯ ВДОВ САНТИНИ
22. **Джоан Дидион.** ИЗДЕРЖКИ БРАКА
24. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
26. **Л. Переверзев.** ФЕНОМЕН ДИСКО. II СТОРОНА
30. **Александр Шумский.** КРУТИСЬ, ЭПОХИ КОЛЕСО!

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, В. М. БУДАРИН, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), А. М. ЛЕВИН, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН
Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: Москва, 125015, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 15.10.79. Подп. к печ. 28.11.79. А03653. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 176 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1790.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

САНТЬЯГО. Во многих городах Чили прошли забастовки с объявлением голодовок. Бастующие требовали, чтобы хунта сообщила о судьбе тысяч чилийцев, которые значатся в списках «исчезнувших». В Сантьяго голодовку объявили дети тех, кто бесследно пропал в пиночетовских застенках. Такие же акции протеста провели чилийцы, живущие сейчас в Англии, ФРГ, Франции, Испании, Италии и Бельгии.

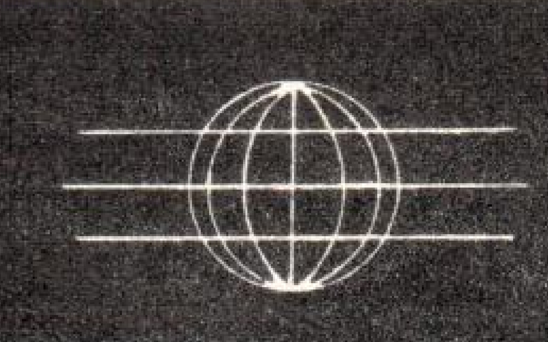
ДАР-ЭС-САЛАМ. В столице Танзании будет проведен в 1982 году Всеафриканский фестиваль молодежи. Об этом сообщил национальный исполнительный секретарь Революционной партии Танзании П. Мсеква. Он подчеркнул, что решение провести на танзанийской земле очередной форум юности континента — большая честь для молодежи страны и ко многому ее обязывает.

ЛУАНДА. Здесь второй год действует центр по изучению русского языка. На созданных при нем курсах занимаются более 250 юношей и девушек — молодые рабочие, активисты профсоюзной, молодежной и женской организаций, учащиеся и студенты. В годы португальского колониального господства изучение русского языка в Анголе было запрещено. Сегодня это один из самых популярных иностранных языков в стране. Он включен в программы университета и ряда других учебных заведений.

МАНАГУА. В газете сандинистов «Баррикада» опубликован основной закон Никарагуа, гарантирующий общественные и личные, социальные и культурные права, в том числе право народа на полный контроль над природными ресурсами. Основной закон также устанавливает равноправие мужчин и женщин, обязательное бесплатное начальное образование и охрану детства со стороны государства. Сразу же после победы демократических сил в стране началась кампания по ликвидации неграмотности (уровень неграмотности населения в Никарагуа в зависимости от района равен 70—100 процентам). В школах и вузах учащиеся изучают цели и задачи нового правительства, историю борьбы с преступным кланом Сомосы. Прогрессивные силы в стране также считают очень важным воспитание доверия среди населения к сандинистским вооруженным силам, поскольку страх перед человеком в военной форме стал в Никарагуа печальной традицией.

На снимке: «Мы победили — теперь продолжим борьбу» — гласит первый выпуск газеты «Баррикада».

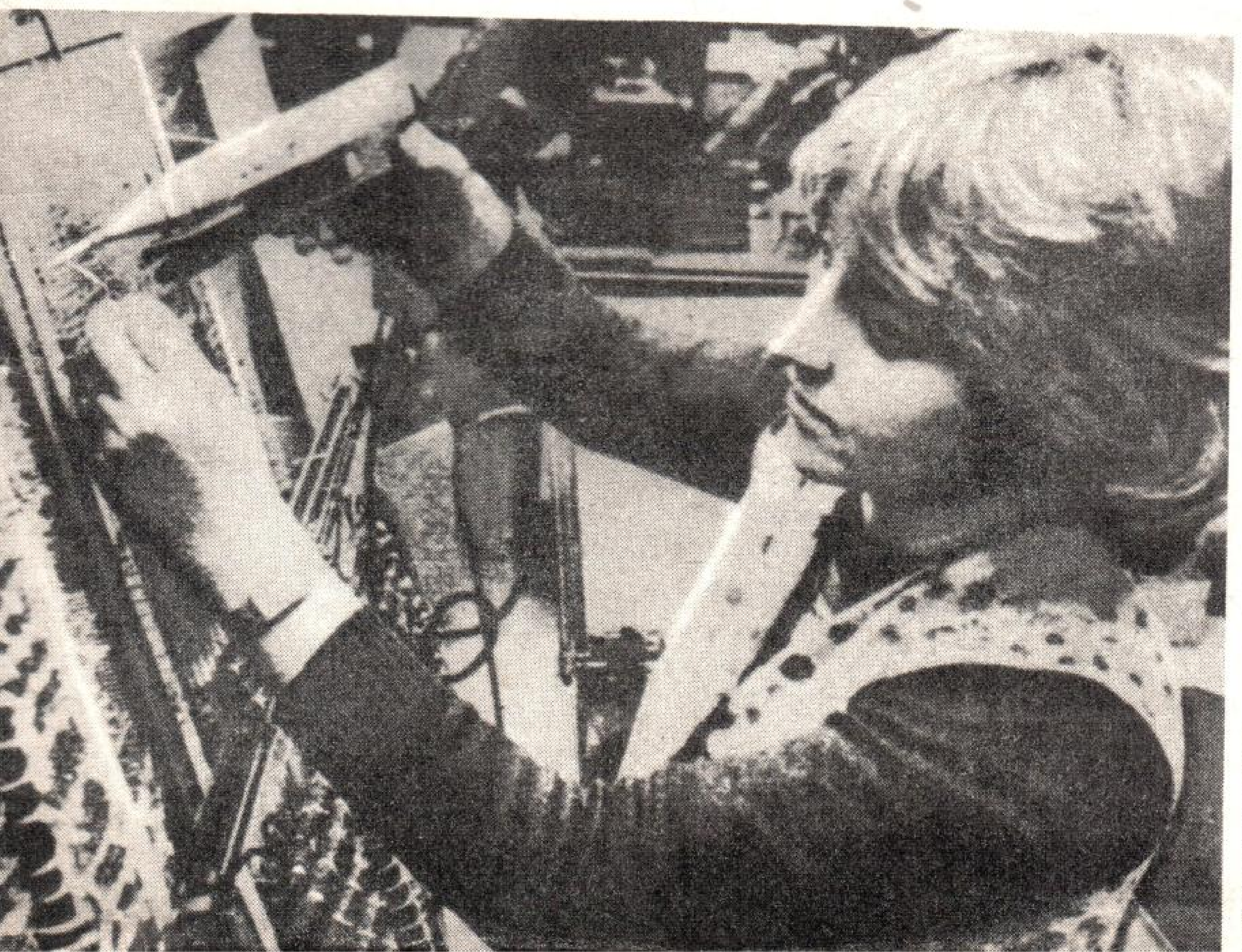
ПРАГА. Представители 39 стран и ряда международных организаций приняли участие в прошедшей здесь встрече организаторов молодежного и студенческого туризма. В центре внимания ее участников находились маршруты Олимпийских игр 1980 года. Бюро международного молодежного туризма «Спутник» только в Москве примет 100 тысяч советских и 60 тысяч зарубежных туристов. Десятки тысяч юношей и девушек побывают в других олимпийских городах — Таллине, Ленинграде, Киеве, Минске.

НЬЮ-ЙОРК. «Экономить на вооружении, а не на образовании!» — такой лозунг несли нью-йоркские учителя во время массовой манифестации, устроенной в знак протеста против очередного урезывания средств на финансирование школ. По всей Америке прошли забастовки школьных преподавателей. В них приняли участие десятки тысяч человек. В Анкоридже (штат Аляска), Вудбридже (штат Нью-Джерси) и других городах США произведены аресты забастовщиков. Американские учителя вынуждены прибегнуть к забастовкам, так как сокращение расходов на образование ведет к росту безработицы среди преподавателей, и в то же время резко возрастает нагрузка работающих учителей. При этом стоимость обучения в школах уже побила все рекорды.

САН-ХОСЕ. Как сообщает печать Коста-Рики, студенты университетов стран Центральной Америки решили совместно помогать никарагуанскому народу в восстановлении страны. Каждый университет сформирует студенческую бригаду для работы главным образом в сельских районах Никарагуа.

БЕРЛИН. На предприятии Роботрон в столице ГДР создается новейшая электронно-вычислительная техника для Единой системы электронно-вычислительных машин стран СЭВ. Она располагает единым языком программирования, все страны-участники обмениваются вводимыми в систему программами. Тысячи молодых ученых, инженеров, техников, различных специалистов из СССР, Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии и ГДР, двести научно-исследовательских институтов братских стран вносят свой вклад в создание ЕС ЭВМ.

На снимке: эта девушка, молодой специалист, участвует в создании новейших электронно-вычислительных устройств.

ХАНОЙ. На состоявшейся здесь конференции более 500 педагогов, руководителей партийных, комсомольских и профсоюзных организаций северной части страны приветствовали проект реформы образования, опубликованный в печати для всеобщего обсуждения. Эта реформа предусматривает коренное улучшение системы подготовки кадров, необходимых для социалистического строительства во Вьетнаме.

ТЫРГОВИШТЕ. В этом крупном центре машиностроения Румынии завершилась «Олимпиада токарей и фрезеровщиков», один из популярных в республике конкурсов по рабочим специальностям. В финале встретились 160 наиболее достойных претендентов на приз «Золотая фреза». В нынешнем году более 250 тысяч молодых рабочих участвовало в этой олимпиаде.

АТЛАНТА. В главный город штата Джорджия на очередную встречу Форума советской и американской молодежи приехали представители комсомольских, профсоюзных организаций, студенты и молодые рабочие из Советского Союза. Советско-американские отношения, разоружение, разрядка, положение молодежи в современном обществе — эти и другие вопросы стали темой обсуждения. Участники встречи единодушно приняли специальную резолюцию в поддержку ОСВ-2.

Впервые Форум советской и американской молодежи собрался в Минске в 1972 году, и с тех пор обмен мнениями между представителями юношества двух стран стал ежегодным. В прошлом году, например, молодые американцы побывали в Советской Грузии.

БРЮССЕЛЬ. На биржах труда Бельгии зарегистрировано около 100 тысяч молодых людей, что составляет одну треть от общей численности безработных в стране. Национальное управление по вопросам занятости сообщило, что в Бельгии около 8 тысяч безработных выпускников университетов.

ЛОНДОН. Десять тысяч человек прошли по улицам столицы с требованиями о выводе английских войск из Северной Ирландии. Исполнилось десять лет присутствия там британской армии. Ирландцы отметили горький юбилей демонстрациями протеста в Белфасте.

На снимке: молодые англичане несут плакат «Бывшие солдаты против войны в Северной Ирландии».

смотрите:

КАЖДЫЙ ГОД — ГОД РЕБЕНКА

ДЕТИ — НАША ЛЮБОВЬ, НАША НАДЕЖДА, НАШЕ ЗАВТРА. В ИХ РУКИ СТАРШИЕ ПОКОЛЕНИЯ ПЕРЕДАДУТ ВСЕ, ЧТО СОЗДАНО ТРУДОМ И ГЕНИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ЧТОБЫ ОНИ СМОГЛИ ИДТИ ДАЛЬШЕ ПО ПУТИ СОЗИДАНИЯ, НЕСТИ ЭСТАФЕТУ МИРА И СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА.

Л. И. Брежнев. Из приветствия Всемирной конференции «За мирное и счастливое будущее для всех детей»

Эти снимки сделаны во Вьетнаме, Франции, Голландии, ГДР и США.

Самой дорогой для меня всегда останется встреча с двумя людьми, происшедшая, к счастью для меня, в тех особых обстоятельствах, которые полностью раскрывают смысл слова «встреча»: 25 сентября 1943 года, в субботу, в Нью-Йорке я встретился с моим сыном Арамом через два часа после его рождения, а 17 августа 1946 года, в пятницу, в Сан-Франциско я встретился с моей дочерью Люси через четыре часа после ее рождения.

Когда смотришь на новорожденного, на «новую жизнь», как иногда говорят, и это маленькое существо является частичкой тебя самого, действительно видишь и чувствуешь что-то очень важное, и при всей моей неопытности в минуты первого свидания с сыном я подумал: «Но ведь он же очень старый, как мир, он старше любого старика».

А кричал он так пронзительно, что я подумал: «А-а, ему совсем не нравится торчать в этом крошечном тельце, раньше ему жилось куда как проще. Он сердится на мать, на отца, на все человечество, на целый свет — ведь все сговорились против него и всунули в это крошечное тельце, лишили свободы, которой он наслаждался так долго».

ВСТРЕЧА

Уильям САРОЯН, американский писатель

И в этих мыслях, разумеется, есть какая-то доля истины, потому что доля истины есть в любых мыслях.

Примерно через неделю я уже стал заставать его в спокойном состоянии, когда он не гневался на меня или окружающих. Но я рад, что была именно та, первая встреча, потому что, когда мужчина встречает своего сына — пусть даже ученые-генетики определили, что сын склонен наследовать характер не своего отца, а сына брата отца матери отца, или нечто еще более запутанное и абсурдное, — это поразительное событие, ставшее возможным благодаря вековым нагромождениям крупных и мелких случайностей.

Но неважно, первая нежная встреча состоялась, юридически и физически установлено, что новый человек — это мой сын. Я был счастлив, он же казался раздраженным, сердитым, недовольным, и вскоре я с радостью заметил, что эти его вспышки даже развлекают меня.

Итак, он пришел. Мы встретились почти сразу после его появления. Он уже двигается, растет, потом он изменится, принесет массу неприятностей прежде всего себе самому, и род Сароянов будет продолжаться, а человечество — идти вперед.

Так и случилось. Он брал жизненные рубежи один за другим. Встретил девушку, женился, и у них уже есть свое продолжение — дочка. В 1972 году сын опубликовал в «Пари ревю» стишок об этой малышке, и он мне очень нравится:

Крошка —
Вот что
Такое она.

Нравятся мне эти строчки. И сын мой нравится. И его жена. А уж больше всего — их дочурка.

Мы познакомились, когда ей было четыре месяца. Она смотрела на меня с безмятежностью мудреца. Это мне понравилось.

Я очень рад, что встретил своего сына.

И рад, что встретил свою дочь. Но если внешность и поведение сына меня просто смутили, то встреча с дочкой поразила. Позже, когда она стала интересоваться такими вещами, я рассказал ей о нашей первой встрече: лицо у нее было почему-то сильно перекошенное, наверное, акушерка при родах пользовалась щипцами.

Кто знает, в чем было дело? Я не знаю. Когда дочке было лет семь или восемь, я рассказал ей, как она выглядела при рождении. До чего же она была страшненькая! Я изобразил на лице положенный восторг, а потом, когда шел один по коридору родильного дома в Сан-Франциско, подумал: «Ну, ничего, может, хоть умом ее природа не обидит. Глядишь, станет писательницей».

Сначала встреча с отцом и матерью, потом с сыном и дочерью — вот все и познано в этой области человеческого бытия.

Перевел с английского М. ЗАГОТ

ГНЕЗДЫШКО АДА

А. НУЙКИН

„Встречей» назвал американский писатель Уильям Сароян рождение ребенка. Встреча новорожденного с отцом и матерью, встреча родителей с сыном и дочерью, встреча мужчины и женщины — «вот все и познано в этой области человеческого бытия». В сущности, как все просто и как прекрасно! Читая эти строчки Уильяма Сарояна, я вспоминал слова нашего педагога А. С. Макаренко, который назвал семью «местом, где реализуется прелесть человеческой жизни». Формула простая и универсальная. Но как далека эта мечта от действительности, сказал бы, наверное, американский писатель-юморист Джеймс Тэрбер, написавший рассказ «Как мистер Пребл решил избавиться от своей жены».

Мистер Пребл, полноватый, средних лет адвокат, частенько словно бы шутя предлагал своей стенографистке сбежать с ним на край света. Однажды она словно бы шутя согласилась. Встал вопрос: как освободиться от жены? Развода миссис Пребл не даст ни за что на свете, это очевидно. Мистер Пребл решает убить жену и закопать ее в подвале. В ходе долгого диалога предпринимаются самые невероятные уловки, чтобы заманить бедную жертву в подвал. Мистер Пребл притворно вздыхает по поводу того, что когда-то в молодости они любили туда спускаться, что там и теперь можно было бы придумать какую-нибудь игру...

Но миссис Пребл удобно устроилась на диване с детективным романом, и ее совсем не соблазняет перспектива лезть неизвестно во имя чего в грязный холодный подвал. В конце концов муж теряет терпение и прямо во всем признается. Миссис Пребл в ответ только иронизирует: она, оказывается, сразу догадалась о коварных замыслах мужа, но — «можешь закапывать меня сколько угодно, развода ты не получишь!».

Начинается долгое выяснение, действительно ли жена «всегда заранее знает» все, о чем мистер Пребл «только подумает». Препирательства тянутся долго, буднично, «по-семейному». Наконец миссис Пребл это надоедает. «Послушай! — закричала она, бросая книгу. — Скажи мне наконец, если я пойду с тобой в подвал, ты успокоишься? Ты заткнешься?

— Да, — пообещал мистер Пребл. — Но как ты все портишь таким своим отношением!»

Уже спускаясь в подвал, жена спохватывается и посылает мистера Пребла на улицу поискать какой-нибудь кусок железа, поскольку намерение пристукнуть ее лопатой — «это же курам на смех!». Любой сыщик вмиг все раскроет при такой улике!

Странные, нелепые люди выведены в этом рассказе? Да нет. Нелепость как раз в том, что люди-то самые обычные — не сумасшедшие, не злодеи, даже вполне «приличные», как принято говорить. Но что за непонятные силы держат их под одной крышей?

Большим утешением было бы объяснить странное поведение героев чем-то одним — особенностями их характера, например, или любовью жены к мужу, «несмотря ни на что», или привычкой, которая «всесильна», — вариантов можно придумать много. Все это будет в какой-то мере верно, но все это будет только иллюзией объяснения. Потому что юмористическая ситуация рассказа — это «смех сквозь слезы», и весь его сарказм адресован странностям **семейной жизни** вообще, странностям того союза двух людей, от которого они вправе ждать реализации «прелести человеческой жизни». А может быть, Тэрбер здесь рисует один из вариантов «кризиса семьи», о котором много пишут западные социологи?

Американский социолог Джейн Хауард, обследовав различные семьи, приводит общие признаки счастливых союзов, которые, по ее мнению, могут служить своеобразными рецептами для спасения «любовной ладьи»: счастливые семьи вместе справляют праздники, у счастливых семей свои традиции, предания, легенды, в счастливых семьях заботятся о престарелых родителях, дабы дать, в свою очередь, пример детям, и тому подобное — вещи, на наш взгляд, совершенно элементарные. Но разве подействует такой рецепт в случае с мистером Преблом? Легко представить себе еще один конфликт для юмористического рассказа: как мистер и миссис Пребл вместе отмечают годовщину своей свадьбы, буднично, «по-семейному» переругиваясь.

Не в том ли беда, что, давая набор этих признаков, рекомендуя путь если уж не к счастью, то хотя бы к миру внутри семьи, американский социолог опускает один немаловажный момент: семья — это не только «голубиное гнездышко», а и ячейка общества, и в ней, как в капле воды, отражены все особенности социально-экономической системы, своеобразие исторического этапа, переживаемого людьми в той или иной части земного шара...

Кризис семьи, в основе которой, говоря словами Энгельса, лежат «не естественные, а экономические условия», сегодня волнует на Западе не только социологов. О нем говорят политики и педагоги, родители и дети. Этот кризис перестал быть частным делом тех, кому не удалось создать счастливый союз, кризис стал явлением общественным. И поэтому попытки решить его призывами быть более терпимыми, заботливыми друг к другу совсем не действуют. А кризис семьи, между тем раз-

виваясь, уже угрожает нормальной жизни всего общества.

— Но ведь люди разные — хорошие и плохие, честные и пакостные, — скажете вы. — Поэтому и семьи у них получаются очень непохожие. Возьмем, к примеру, приведенные в этом номере рассказы о жизни семьи. Писатель Уильям Сароян — человек высоконравственный, и сколько радости приносит общение членам его семьи! Высокие общественные задачи, которые ставят перед собой Дорис Тиерино и ее мать, сделали их личные отношения столь возвышенными, благородными. А отец Кристины Ф. — озлобленный неудачник, и вот до каких трагедий довело это его родных...

— Конечно, — соглашусь я. — И люди все разные, и семьи у них очень непохожие, но общество неизбежно накладывает отпечаток и на характер их отношений в семье, и на их желание изменить или сохранить эти отношения.

Дорис Тиерино ведь только у матери находит полное понимание, только с матерью у нее общие интересы и цели. А другие члены семьи? Здесь семейный раскол происходит по сугубо идеологическим причинам. Мать и дочь противостоят всем родственникам, но не потому, что те «плохие» или «хорошие». Эти люди только насквозь буржуазны. У них другие взгляды, другие цели. А история Кристины Ф.? Подумаем: откуда озлобленность отца? Ответ ведь содержится в самом рассказе: отец тоже насквозь буржуазен, хотя он сейчас безработный и, по-видимому, таким и останется надолго. А мать полностью поглощена заботами о том, как прокормить семью, и ей не до душевных конфликтов дочери.

Таких примеров, таких «историй из жизни» можно привести тысячи. И все они только подтвердят мысль о том, что и хорошие, и плохие люди равно не могут создать «голубиное гнездышко», изолировав его от окружающей жизни. Жизнь все равно ворвется в него, со всеми своими противоречиями.

Возьмите, например, миссис Пребл. Она готова быть лучше закопанной в подвале, чем дать развод мужу! Из любви? Но сколь дико выглядит такая «любовь». И эта дикость в менее обнаженной форме встречается сплошь и рядом. Мужчина и женщина ненавидят друг друга, а живут десятилетиями как привязанные под одной крышей. Но, может быть, дети и удерживают их вместе, и помогают сохранить в себе человеческое? Нет, оказывается, именно дети становятся первыми жертвами семейных неурядиц. Сообщений о таких случаях в западной печати появляется все больше и больше. Один житель Баварии дважды ломал своей двухлетней дочке руку о край стола только потому, что она плакала и мешала ему смотреть спортивные передачи по телевизору. Думаете, это больной, ненормальный человек? Ничуть не бывало.

Во всех этих парадоксах современной буржуазной семьи не разобраться, если пытаться изучать ее в отрыве от прочих сторон человеческой жизни. Вспомним еще раз: семья — ячейка общества. Это значит, что все его достоинства и пороки не есть для нее что-то внешнее, вроде волн и ветра для судна, плывущего по морю; они неизбежное **внутреннее** качество самого института семьи на том или ином этапе его исторического развития.

Раз уж мы упомянули историю, то стоит вспомнить, что все развитие семейных отношений с начала перехода человечества от эпохи варварства к эпохе цивилизации было историей закрепощения женщины. Древнегреческий философ Демосфен четко сформулировал позицию своих современников: «Гетеры нужны мужчинам для удовольствия, наложницы для удовлетворения повседневных потребностей тела, жены — для того, чтобы иметь полноправных детей и надежных хранительниц дома». Ничем не ограничивая свободу мужчин, общество карало женщину за измену самым беспощадным образом. (В частности, и потому, что муж-собственник начинал сомневаться в полноправности своих детей — наследников семейного достояния.) В Вавилоне неверных жен топили в реке, в Риме — бросали на арену к разъяренным быкам, в средневековой Европе — забивали до смерти кнутом, камнями, даже сжигали.

Такое положение женщины в семье закреплялось и традициями, предписаниями морали, и законодательно. Например, в царской России в статье 107 десятого тома свода законов говорилось: «Жена обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви и в неограниченном послушании, оказывать ему всяческое угождение и привязанность как хозяину дома». Такова история.

В период утверждения капитализма буржуазия в борьбе с феодальными порядками сделала большой шаг вперед и в области семейного права и семейной морали.

Равноправие женщин — один из важнейших лозунгов, начертанных на знаменах всех буржуазно-демократических революций. Идея равноправия, мечта о нем прочно вошли в сознание всех передовых людей. И уже это было немалым прогрессом.

Но увы, как это случилось с большинством благородных лозунгов и обещаний буржуазных революций, капитализм на самом деле принес женщинам не свободу и равноправие, а во многом только видимость их. Не будем касаться случаев прямого ущемления прав женщин, хотя их более чем достаточно. Оказалось, принуждать женщин к удобному для данного общества поведению вполне можно и не прямо.

Есть такое выражение, что культуру общества можно измерять мерой уважения к женщине. (Между прочим, ведь все словосочетания такого рода, как «слабая половина человечества», «изящный пол», которые мы употребляем не задумываясь, — реликт представлений прежних времен, что само по себе хорошо раскрывает «меру уважения».)

Капиталистическое общество, покончив с эпохой буржуазно-демократических революций, стало перетряхивать наследство, доставшееся от феодального строя. И как и в других областях жизни, нашло немало для себя полезного в семейном праве и семейных традициях. В частности, отношение к женщине в семье как к «слабой половине» и «изящному полу» оказалось очень удобным для ее подчинения.

И по сей день в капиталистических странах — через книги, газеты, радио- и телепередачи, журналы мод, рекламу, общественное мнение и уроки в школе девочкам с детства вбивают в голову, что любая умственная работа — дело грубое, не женское, что высшее счастье — «быть красивой и молчать», что нет ничего на свете важнее любви, нарядов, комфорта.

С другой стороны — и по сей день во многих развитых капиталистических странах (например, Англии) за равный с мужчинами труд женщина по закону и на практике получает меньшую плату, нет законов, охраняющих права женщины-матери. Примеров социального, экономического, юридического неравноправия женщины можно привести немало. Но имеет ли это отношение к кризису семьи? Имеет, и самое прямое, ибо всякая диктатура несет свое наказание внутри себя. Ведь угнетенные женщины давно уже мстят своим поработителям, тихо, но жестоко — мстят забитостью, отсутствием взаимных социальных интересов, своей неспособностью быть счастливой и сделать счастливым, своей неспособностью воспитывать детей и открывать им радость жизни.

Борьба за равноправие идет

давно, продолжается и сегодня. В буржуазной среде она принимает самые невероятные формы: в США в последние десятилетия возникают и множатся всякие экстремистские женские клубы и союзы, проповедующие ненависть к мужчинам и мятеж против «созданной ими цивилизации». Есть даже объединение, которое называется «Обществом по ликвидации мужчин». Несомненно, настроения эти тоже нередко превращают семейную жизнь в поле битвы. Но в такой борьбе полов победа практически всегда равна поражению.

Помните Джоан, героиню сатирического романа Матти Ларни «Четвертый позвонок»? Эта милая энергичная ультрасовременная особа без малейших угрызений совести вогнала в гроб двух мужей и явно имеет шансы отправить туда третьего. Джоан не знает, «на каком языке говорят в Европе», она убеждена, что Финляндия расположена «где-то возле Кореи». Целыми днями Джоан крутит пластинки с записями детективных рассказов, перемежая эти занятия с поцелуями (во время которых она не выпускает изо рта жевательную резинку) и знойным «Джерри, ты меня любишь?..».

Вся система пропаганды и воспитания нацеливает миллионы джоан на любовь, но в том-то и состоит ирония судьбы, что их любовь ничего, кроме черной ипохондрии, вызвать у осчастливленных ими избранников не может.

Но и избранники таких джоан несут в себе все черты бездуховности, эгоистичности, потребительства, которыми страдает все общество. Мужчины тоже ведь воспитываются ныне в основной массе такими, что просто не способны дать счастье избраннице, если у нее нормальный ум и вкус.

«Никогда еще мужчина не был изобретательнее, энергичнее в добывании материальных благ, — пишет западногерманский социолог Иохим Бодамер в книге «Современный мужчина. Его облик и психология», — никогда еще его техническая дерзость не проявлялась так эффективно в отношении к природе, и тем не менее женщина все чаще откликается на этот технический подвиг одной фразой: «Нет больше настоящих мужчин»... Мужские доблести — такие, как чувство чести, рыцарство, благородство, великодушие и доброта, — отныне необязательны»...

Причину таких превращений, роковым образом и притом прямо отражающихся на семейной жизни, разумеется, надо искать не в техническом прогрессе. Всегда важно ведь не столько, чем человек занимается, сколько во имя чего.

В журнале вы прочтете рассказ о «средней», «типичной» американской семье Лаудов. Эта история, как и прочие истории в номере, отнюдь не выдумана, строго документальна и потому так убедительна и страшна. Ведь Лауды, в отличие от семьи Кристины Ф., где кризис отношений вызван в основном **экономическими** причинами, вполне благополучны. Их жизнь полностью соответствует рецептам и рекомендациям, которые дают распространенные сейчас в США книги типа «Как добиться успеха в жизни», «Успех: как каждый мужчина и каждая женщина могут его добиться», «Стратегия успеха», «Фактор успеха», «Как быстро сделать карьеру»... Уже сами названия книг говорят за себя — успех любой ценой (до чести, до рыцарства ли здесь!), и этот культ успеха, стремление быть «как на картинке» и при этом полная бездуховность приводят семью Лаудов к распаду. То есть в данном случае причина семейного кризиса в духовном кризисе общества (не зря ведь социолог Джейн Хауард, о которой мы говорили выше, подбрасывает спасительные соломинки типа «семейных праздников» и «заботы о бабушке и дедушке» — кстати, в истории Лаудов бабушки и дедушки отсутствуют, их как бы вообще нет, как нет и семейных праздников и семейных легенд). Нет семьи — есть только ее вполне благопристойная **видимость.**

Не случайно среди признаков счастливой семьи Д. Хауард не последнее место отводит заботе о бабушке и дедушке. Ибо кризис семьи, может быть, нигде так наглядно не виден, как в страшном одиночестве стариков.

В небольшом городке Франции полицейский сообщил корреспонденту газеты, что мадам Мартин Амбруазин найдена в своей комнате мертвой. Смерть наступила давно, но дату установить не удалось, так как труп наполовину съеден крысами. При этом полицейский добавил, что происшествие настолько обычно, что вряд ли заинтересует прессу.

— Родные живут далеко, а приятелям старушки трудно было подниматься на четвертый этаж без лифта. — Так попробовал объяснить этот случай один из стоявших в толпе пожилых людей.

— Не в этом дело, — перебила его жена. — Мы с тобой живем на первом этаже, но если что случится, то и к нам никто не придет, потому что всем на всех наплевать.

Словно в подтверждение, в одной из французских газет в тот же день сообщили в хронике мелких событий: в городе Мутье, в Савойе, в трехкомнатной квартире были обнаружены мертвыми супруги Никастро. Смерть наступила полтора месяца назад. Супруги имели постоянную работу, родственников, знакомых. Их хорошо знали в городе.

Только на фоне этого вот всеобщего кризиса человеческих отношений, в который заводит людей современный капиталистический образ жизни, можно, наверное, понять то, о чем пишет Джоан Дидион — свадебный бизнес в Лас-Вегасе, — и то, почему муж с женой, ненавидя друг друга, продолжают жить под одной крышей, и многое, многое другое, что с недоумением — иногда веселым, иногда горьким — отмечают писатели и социологи в современном западном семейном быте.

Объясняет это и безуспешность всех попыток вывести семью из кризиса, предпринимаемых в рамках буржуазных отношений. Эксперименты здесь ведутся в прямо противоположных направлениях. Кое-где прочности семейных уз пробуют добиться мерами насильственного характера, в частности, прямым запретом разводов. К какому «счастью» это приводит, можно представить, вспомнив хотя бы известный фильм «Развод по-итальянски». Но чаще выход ищут, наоборот, в отказе от всяких оков — и законодательных и нравственных. Но при чем здесь семья-то? При чем любовь, верность, доверие, где здесь «прелесть человеческой жизни» — все то, о чем веками мечтает человечество и что вложено уже в само понятие «человек»?

Вернемся к разговору о хороших — плохих людях. В общем, не очень продуктивное это занятие — искать, кто «виноватее»: общество или человек? Где почерпнуть нравственные идеалы Кристине Ф., кто раскроет Лаудам бессмысленность и никчемность их «благопристойного» существования? Раскалывается семья Дорис Тиерино, потому что ее родичи не намерены отказываться от собственности, владение которой придает им вес и в своих глазах, и в мнении окружающих. И гибнут мужчины рода Сантини, потому что нечем кормить женщин и детей этого рода.

Итак, где искать мистеру Преблу, Лаудам и другим им подобным выход из кризиса семьи в буржуазном обществе? И не есть ли этот кризис следствие более общего кризиса?..

...КОГДА КЛАССОВАЯ БОРЬБА ПРИБЛИЖАЕТСЯ К РАЗВЯЗКЕ, ПРОЦЕСС РАЗЛОЖЕНИЯ ВНУТРИ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА, ВНУТРИ ВСЕГО СТАРОГО ОБЩЕСТВА ПРИНИМАЕТ ТАКОЙ БУРНЫЙ, ТАКОЙ РЕЗКИЙ ХАРАКТЕР, ЧТО НЕБОЛЬШАЯ ЧАСТЬ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА ОТРЕКАЕТСЯ ОТ НЕГО И ПРИМЫКАЕТ К РЕВОЛЮЦИОННОМУ КЛАССУ, К ТОМУ КЛАССУ, КОТОРОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ БУДУЩЕЕ.

К. Маркс и Ф. Энгельс

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Дорис ТИЕРИНО

Моя мама была четырнадцатым, младшим ребенком в английской семье, поселившейся в Никарагуа. Отец умер, когда ей было около семи, а вскоре умерла и мать. Пришлось старшим, уже семейным, братьям и сестрам воспитывать младших детей. Мама росла непоседой, много читала, но учиться не любила. Девочек в то время, научив дома читать и писать, отправляли в пансион каких-нибудь французских монахинь.

Первое замужество у мамы было неудачным, и она быстро разошлась. Разводы тогда были большой редкостью, и вся семья упрекала ее, что она непохожа на других, все делает по-своему, и предупреждала, что жить ей будет трудно. Так оно и получилось... Потом мама вышла замуж за моего отца.

Почти все детство до поступления в школу я провела в деревне, на ферме дедушки и бабушки — то есть сестры матери и ее мужа. Эта семья вырастила маму после смерти родителей, и мы всегда называли их бабушкой и дедушкой.

На ферме мы наслаждались свободой, делали что хотели, быстро подружились с детьми крестьян и наших слуг. Многие слуги жили у нас семьями. Их ребятишек так и называли «дети дома». Бабушка и дедушка относились к слугам покровительственно, многие выросли у них на глазах: пришли совсем детьми, женились, завели своих детей. Отчасти это покровительственное отношение, хотя и неосознанно, перенимали и мы: во всех играх непременно были предводителями.

После 1927 года в маминой семье начались трудности. Они вложили весь свой капитал в земли на севере, где как раз в то время высадилась американская морская пехота. Мамины братья остались в своих поместьях, поскольку они ничего не имели против Сандино (Аугусто Цезарь Сандино стал во главе борьбы против интервенции США в Никарагуа), но они не принимали участия и в борьбе на стороне народа. Английское происхождение позволяло им сохранять нейтралитет, хотя их классовые интересы явно расходились с теми, за которые боролась армия Сандино.

Сандино принимал их нейтралитет, и мамина семья, как и все землевладельцы, жившие в этой зоне, платила налоги. Но как-то раз один из маминых братьев отказался платить налог, наверное, он был не один такой, потому что генерал Сандино издал приказ о смертной казни всех иностранцев, уклоняющихся от налогов. Позже в книгах о событиях того времени я прочитала, что маминого брата обвинили в измене. Я не знаю, была ли это измена по отношению к генералу Сандино, или они объявили маминого брата предателем просто потому, что он отказался платить налог.

Естественно, что после этого мамина семья не поддерживала Сандино, хотя и никогда не сочувствовала Сомосе и его гвардейцам, по традиции придерживаясь иных взглядов. У мамы настроение было совсем другое. Она общалась с левыми и не раз объясняла мне, почему генерал Сандино применял суровые меры к иностранцам, которые не участвовали в борьбе: «Они протестовали по-разному, — говорила она. — Одни просто отказывались воевать на стороне Сандино, другие — платить налоги. К несчастью, убили именно моего брата, но что же делать, раз уж так получилось».

Когда ей было лет шестнадцать, мама познакомилась с чилийскими журналистами, которые путешествовали по стране: они собирали материал для своего журнала. Некоторые из них были коммунистами. Именно они дали маме одну из книг Горького, которая впоследствии сыграла очень важную роль в моей жизни.

В шесть лет меня отдали в монастырский пансион. Там мы решили собирать для бедных старую одежду, обувь и еду. У каждой из нас были свои «бедные люди». Таким образом, нам преподносили старую истину: «Мир делится на бедных и богатых. Богатые должны помогать бедным». Мы помогали и, конечно, избавлялись от всяких угрызений совести.

Дорис Тиерино — член Фронта национального освобождения имени Сандино (ФНОС), ныне военный комендант второго по значению города Никарагуа Леона.

Испытав на собственном опыте, как нелегко быть «белой вороной» в семье, мама тем не менее не отказалась от мысли передать мне свои взгляды на мир, но делала это очень тонко и осторожно. Она открыто никогда не противоречила тому, чему нас учили в школе, но терпеливо объясняла, что не все в мире справедливо устроено и перемены неизбежны. Именно она дала мне прочитать несколько книг. Среди них был и роман Горького «Мать», который мама хранила с той встречи с чилийцами. Сначала она хотела, чтобы я прочитала его в пятнадцать лет, но потом разрешила прочитать раньше. Книга оказала на меня огромное влияние. Мама мне приносила в пансион и другие книги, например, «Мамиту Юнай» коста-риканского писателя Карлоса Луиса Фалла. В ней рассказывается об эксплуатации рабочих на банановых плантациях: мать пыталась показать мне взаимосвязь между североамериканским империализмом, диктатурой Сомосы и положением никарагуанского народа.

Да, ее жизнь состояла из сплошных противоречий. Сначала на пути ее убеждений стояла семья родителей, потом ее собственная. Мама никогда не жаловалась на жизнь, но, зная ее натуру, я не верю, что она могла быть счастлива с отцом. Это был человек из «хорошей семьи», без определенных политических взглядов, с либеральными устремлениями, но весьма реакционным мышлением. В общем, типичный буржуа. Я знаю, что отец не одобрял политическую активность матери. А она не просто симпатизировала сандинистам. Она была знакома с революционерами, партизанами генерала Рамона Раудалеса[1], разгромленными в 1958 году. Однажды ей дали ящик с обувью и едой и винтовку с оптическим прицелом. Все это надо было переправить в лагерь. Тогда дороги патрулировали отряды солдат Сомосы. Они останавливали автобусы и автомобили и тщательно все обыскивали.

Доставить ящик с обувью и едой в горы особой трудности не представляло. Трудно было провезти винтовку. Почему-то никому в голову не пришло разобрать ее и провезти в таком виде. Винтовку просто завернули в матерчатый мешок и принесли маме. Мама позвала меня и объяснила, что в мешке винтовка, которую надо переправить в лагерь партизан. У взрослого ее легче найдут. Поэтому она спросила, хватит ли у меня смелости взяться за это дело. Настал мой черед сделать выбор, и я, не колеблясь, приняла сторону матери и ее друзей. Я ответила: «Да». Мамины уроки не пропали даром, и этот случай, наверное, можно считать моим боевым крещением.

Риск был велик, и мать это понимала, но поручение надо было выполнить, от этого зависела жизнь людей. Я поехала автобусом. Шофер или его напарник, точно не помню, взял мою поклажу и, конечно, почувствовал, какая она тяжелая. Он спросил, что я везу. Я ничего не придумала лучше, чем сказать, что везу свечи для первого причастия.

Глупо заворачивать свечи в матерчатый мешок, да и вес был приличный, так что водитель понял, что это не свечи. Он сказал: «Положи-ка эту штуковину под сиденье, а когда придет патруль, притворись, что спишь».

Всю дорогу я делала вид, что сплю, а когда автобус остановился и все вышли, я осталась в автобусе. В салон вошел солдат, и шофер сказал ему: «Сейчас я ее разбужу. Это моя девочка». Но тот ответил: «Не надо. Пусть малышка спит». И они не стали меня будить и не подняли сиденье, хотя тщательно осмотрели весь автобус. Вот так мы провезли винтовку. Потом мама не раз говорила мне, что в любой ситуации главное — сохранить присутствие духа.

Потом я познакомилась с мамиными друзьями. Они приносили к нам разные книги: «Святое семейство», «Происхождение семьи, частной собственности и государства». От них я впервые услыхала о «Капитале». Вспоминаю об этом еще и потому, что в те годы было очень трудно достать марксистские книги в Никарагуа. Роман «Мать» хранился у нас давно, а другие книги тайком привозили из-за границы. Тогда их мало кто знал. Как-то мне рассказали забавную историю про то, как таможенник пропустил книгу «Святое семейство», решив, что это религиозная литература.

22 января 1967 года состоялась народная демонстрация против существовавшего режима. Ее разгромили. Весь этот день и еще долго потом мы слышали выстрелы и видели гвардейцев, добивавших тех, кто не смог спрятаться. 23 января меня арестовали. Тайная полиция знала, что я не имею никакого отношения к демонстрации, но в целях «национальной безопасности» решила меня временно изолировать и продержала в тюрьме 13 дней. Меня не подвергали физическим пыткам, поскольку не знали о моих связях с ФНОС. Но один тип из тайной полиции все время приходил ко мне в камеру и угрожал, что они возьмут моего полуторагодовалого сына и тогда я увижу, сможет ли он прожить хоть день у них в руках.

А осенью гвардейцы ворвались в наш дом под предлогом, что видели рядом с ним какой-то краденый автомобиль. Меня тогда не было, и они взяли маму. Ее держали как заложницу, чтобы схватить меня. Я выжидала, зная, что они не станут держать ее долго. Маму отпустили через семь или восемь дней, но ей пришлось нелегко. Она рассказывала, что в тюрьме было много разного народа. Сидела там владелица небольшой продуктовой лавки, находившейся неподалеку от нашего дома. Дети приносили ей еду. И тогда гвардейцы говорили: «Эта дама — истинная христианка, она хорошо воспитала своих детей. Каждый день они приносят ей еду и заботятся о ней. А вот эта старуха (говорили они о моей маме) породила змеенышей. Ее дети коммунисты. Поэтому они не приносят матери еду. Никто к ней не приходит».

Мама... Она всегда была очень терпелива. Никогда, даже в самые трудные минуты, не отговаривала меня от борьбы. «Тот, кто борется за лучшее, — говорила она, — должен уметь жертвовать многим». Уж кто-кто, а она знала цену этим словам и ни о чем не жалела. Мама даже ушла от отца из-за его отрицательного отношения к моей деятельности. С этого времени она уже не могла мне больше помогать, так как сама испытывала денежные затруднения. Она шила, чтобы заработать себе на хлеб. Мои взрослые сестры тоже работали и помогали ей немного, но все равно она еле сводила концы с концами.

Мамина семья по-прежнему пыталась оказать на нее давление. Они упрекали ее, говоря, что она отдает все деньги мне, принося своих дочерей в жертву моей революционной деятельности, и поэтому они так бедствуют. Мама присматривала за моим сыном, и за это они тоже упрекали ее. «Лучше бы Дорис сама занималась своим сыном, — говорили они, — тогда бы она не лезла в политику и не связалась с какой-то революционной организацией».

Однако, несмотря на всеобщее семейное осуждение, мама оставалась непреклонной. Спустя несколько лет, когда у мамы обнаружили последнюю стадию рака, родичи выделили ей кусок земли и оставили в покое. Уже тяжело больная, мама не переставала помогать мне и делала все возможное, чтобы участвовать в нашей борьбе. В 1971 году она окончательно слегла и уже не могла ходить. Однажды она заставила отвезти ее на коляске в полицейский участок, где я сидела, чтобы увидеть меня.

Она умерла в декабре 1972 года, до последней минуты сожалея о том, что уже больше не может хоть как-то облегчить мне жизнь.

Перевела с английского Л. ЖУКОВА

---

[1] *Генерал Рамон Раудалес (1898—1958) — один из сподвижников Сандино. Погиб в бою. — Примеч. ред.*

ВСЕ БОЛЕЕ ТЯЖЕЛАЯ БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ ПРИНУЖДАЕТ ЧАСТО ЖЕНЩИН И МУЖЧИН К ПОСТУПКАМ, ОТ КОТОРЫХ ОНИ ПРИ ДРУГИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ С УЖАСОМ ОТВЕРНУЛИСЬ БЫ.

А. Бебель

Как это было прекрасно и как тревожно! Мама целыми днями паковала чемоданы и ящики, а я почти все время проводила во дворе. Я кормила кур и уток и вместе со всеми ворошила сено. Или играла с котятами. Это было замечательное лето — первое лето в моей жизни, которое я по-настоящему запомнила.

Я знала, что уже скоро мы уедем в большой город под названием Западный Берлин. Родители рассказывали мне, что у нас там будет огромная квартира в шесть комнат. И еще, что там они будут зарабатывать очень много денег. Мама говорила, что у нас с младшей сестренкой будет совершенно отдельная комната, где будем жить только мы вдвоем. Она хотела купить настоящую красивую мебель и описывала нам до мельчайших деталей, как будет выглядеть наша квартира.

РАССКАЗ КРИСТИНЫ Ф.

Как на самом деле выглядела квартира, в которую мы переселились, я тоже никогда в жизни не забуду. Может быть, потому, что я испытывала в ней необъяснимый ужас. Она была такой огромной и пустой, что я на самом деле боялась в ней потеряться. Только в трех комнатах была мебель, да и то очень мало. В детской было две кроватки и старый кухонный шкаф с нашими игрушками. В другой комнате стояла только кровать моих родителей, и в третьей, самой большой, — обшарпанная софа и несколько стульев. Три комнаты, которые пустовали, были оставлены для бюро. Мои родители мечтали открыть собственную контору, но письменные столы и кресла, о которых они постоянно говорили, так и не появились, а кухонный шкаф так и остался в нашей детской.

Но вот однажды софу, кровати и кухонный шкаф погрузили на машину и перевезли в дом-башню в Гропиусштадте. Там мы поселились в двух маленьких комнатушках на одиннадцатом этаже. Гропиусштадт — это новый жилой район из огромных одинаковых домов, разделенных газонами и магазинами. Издали он кажется совсем новеньким, но, когда оказываешься там, видишь, какая кругом грязь.

На улице в Гропиусштадте я была «дурочкой из деревни». У меня не было таких игрушек, как у других детей. Я была одета не так, как они. Я говорила по-другому. Я не знала тех игр, в которые они играли. Да и игры эти мне не нравились. У нас в деревне не было главарей, мы все были на равных, и каждый мог предлагать свою игру. В Гропиусштадте самый сильный парень в нашем доме считался главарем. У него был самый лучший водяной пистолет, и мы играли в «разбойников». Игра заключалась в том, чтобы исполнять его приказания. Мы скорее играли друг против друга, чем друг с другом. Короче, надо было задавить других и самому стать главным. Захватить власть и эту власть использовать.

Потом я пошла в школу. Как я радовалась! Родители всегда говорили мне, что в школе я должна вести себя хорошо и всегда слушаться учителей. Думаю, я больше всего радовалась тому, что учителю не только я должна подчиняться, но и все остальные дети. Но все оказалось совсем по-другому. Учительница была совершенно беспомощна и не могла справиться с нами. Она только и знала, что кричать, но от ее крика было мало толку.

Единственное, что меня спасало, — это мои звери. У нас в семье все очень любили животных. И поэтому я гордилась нашей семьей. У меня было три мыши, две кошки, два кролика, морская свинка и Аякс — коричневый дог.

Я была бы совершенно счастлива со своим зверьем, если бы не отец. Он становился все хуже и хуже. Пока мама работала, он сидел дома. Идея открыть свою контору так и заглохла. Теперь он ждал, пока ему подвернется какая-нибудь работа. Он сидел на обшарпанной софе и ждал. И все чаще срывал на нас зло.

Вечером после работы мама помо-

Рассказ Кристины Ф. записан западногерманскими журналистами Каем Германном и Хорстом Рикком.

гала мне делать уроки. Помню, я долго путала буквы К и Н. Мама мне объясняла разницу снова и снова. А я заметила злобные взгляды отца и уже не могла сосредоточиться. Я поняла, что без скандала не обойдется. Я знала, что произойдет. Так и вышло: отец бросился на кухню, схватил швабру и обрушился на меня с ударами.

Вот так он со мной и обращался. Он очень хотел, чтобы я была прилежной и училась лучше. Кажется, его дед был очень богатым. Их семье раньше принадлежала целая типография и газета. После войны все пропало. Вот теперь мой отец и взрывался каждый раз, когда ему казалось, что я недостаточно хорошо учусь — ведь я происхожу из такой прекрасной семьи!

И все же, несмотря ни на что, я любила и уважала отца. Но все же главным моим чувством по отношению к нему был страх. Тем не менее я находила вполне нормальным, что он меня бил. В семьях других детей у нас в Гропиусштадте дело обстояло не лучше. Да и их матерям тоже нередко доставалось.

Тогда я, конечно, представления не имела, что происходит с моим отцом. Только потом я поняла, когда стала постарше. Он был неудачником. Он каждый раз строил грандиозные планы, и каждый раз все проваливалось к черту. Его отец, в свою очередь, постоянно упрекал его в этом. Дед считал, что семья должна была процветать так же, как раньше, до того, как все состояние уплыло.

Дедушка говорил, что, если бы отец не встретил мою мать, у него была бы своя ферма по разведению догов или, по крайней мере, он смог бы стать агентом по продаже товаров. В какой-то момент и отец стал утешать себя мыслью, что моя мама и я — главные виновники его бед.

УТЕ Ф., МАТЬ КРИСТИНЫ. Брак мой был полным фиаско. Еще когда я была беременна, я уже не могла рассчитывать на мужа. Все было не по нему. А злобу и неудовлетворенность он вымещал на мне и детях. Деньги для семьи зарабатывала я одна на всяких вспомогательных работах. Я все время думала о разводе, только у меня смелости на это не хватало...

К восьми годам я уже твердо усвоила законы, которым научила меня жизнь. Мой отец, в сущности, учил меня тому же, чему и школа, и улица: или бью я, или бьют меня. Мать, которая повидала на своем веку много наказаний, тоже постоянно говорила мне: «Первая никогда не задирайся, но, если кто нападет, тут же давай сдачи. Как можно сильнее и крепче». Сама она была уже не в силах давать сдачи.

Я долго училась этой игре: или я захватываю власть, или меня угнетают другие. Вскоре я начала играть в эту игру и в школе с самыми слабыми учителями. Только тогда я впервые почувствовала, что остальные ученики стали меня уважать.

Как я уже говорила, у меня было много зверей. Часто, выходя на улицу, я брала с собой своих мышей, чтобы с ними поиграть. Вот однажды одна мышка убежала на газон, на котором стоял огромный щит, гласивший, что ступать на траву запрещено. У нас вообще кругом стояли щиты, запрещавшие нам делать буквально все. Мне так и не удалось найти эту мышь. И вот вечером мой отец подошел к клетке с мышами, посчитал их и обнаружил, что одной не хватает: «Почему здесь только две? А где же третья?» Почему-то мне показался его вопрос смешным, я не ожидала никакого подвоха. Отец вообще не любил мышей и всегда говорил мне, что их надо отдать. Ну, я все и рассказала. Отец посмотрел на меня в ярости. Только теперь я поняла, в каком он настроении. Он закричал и сразу же ударил. Раньше он никогда не бил меня так сильно. Мама бросилась между нами.

Он с силой швырнул ее на пол, и в этот момент я испугалась за мать больше, чем за себя. Мама попыталась ускользнуть в ванную и запереться там, но он крепко держал ее за волосы. В ванной каждый вечер замачивалось самое грязное белье. На стиральную машину мы так и не накопили денег. Отец сунул мамину голову прямо в эту грязную воду.

Потом, бледный как смерть, он исчез в комнате. Мама надела пальто. Не говоря ни слова, она ушла из дому. Это был один из самых ужасных моментов в моей жизни, когда мама, не говоря ни слова, просто взяла и ушла.

В первые минуты я все время боялась, что он придет опять и снова начнет бить. Но из соседней комнаты не доносилось никаких звуков, кроме телевизора, который забыли выключить. Я взяла сестренку к себе в кровать. Мы обнялись.

Мы проспали до позднего утра. Нас никто не разбудил, мы не пошли в школу. Днем мама вернулась. Она продолжала молчать. Она сложила кое-какие вещи, посадила в сумку кота Петера, сказала, чтобы я взяла Аякса на поводок, и мы пошли на станцию метро. Несколько дней мы жили у женщины, которая работала вместе с мамой. Мама объяснила нам, что хочет разводиться. Конечно, довольно скоро ее сослу-

живица начала лезть на стены от всего нашего семейства. Тогда мама снова собрала вещи, и мы отправились обратно. Отец вел себя так, как будто нас вообще не существует. Он смотрел сквозь нас. И то, что он не замечал нас, было просто ужасно. Гораздо хуже, чем побои, хотя у меня все еще болели кости после того раза.

Потом случилось еще одно горе. Аякс, мой дог, заболел и умер, и мне стало совсем одиноко. Маму я очень любила, но она была погружена в свои беды и занята только разводом. Она постоянно плакала, а смеяться вообще перестала.

УТЕ Ф. После развода мне надо было подумать о квартире для нас, потому что муж отказывался оставить нам эту. Я нашла одну в новом доме по соседству, но она стоила 600 марок в месяц, для меня это было слишком дорого. Но я хотела наконец покончить с этим браком. Я мечтала любой ценой начать все сначала вместе с детьми. Хотела взять дополнительную работу, чтобы можно было позволить детям хоть какие-то удовольствия. Между тем девочкам исполнилось одной — одиннадцать, другой — тринадцать лет, и они видели мало радостей в своем детстве. У нас никогда не было денег, и мы ничего не могли себе позволить, да и дом у нас всегда был неуютный. Мне это было очень горько. К тому же мне всегда хотелось избавить Кристину от всего того, что я пережила сама. Мне хотелось, чтобы у нее были возможности самой выбирать себе дорогу, без всякого давления со стороны окружающих. В общем, по всем правилам современного воспитания.

Однажды раздался звонок в дверь, и когда я открыла, то на пороге стоял приятель отца. Этот приятель был гораздо моложе отца, наверное, лет так двадцать с небольшим. И вдруг этот самый Клаус пригласил маму пойти с ним пообедать, и она сразу же согласилась. Она переоделась и ушла с ним, оставив нас одних. Видно было, что она очень довольна.

Клаус стал приходить все чаще, и мама опять начала смеяться. Мама опять стала говорить о комнате, которая будет у нас с сестрой, когда мы вместе с Клаусом переедем в новую квартиру. Там будут удобные кровати и мягкие кресла, и так далее. Мы переехали к дяде Клаусу, но там все было тоже не так уж идеально. Он был с нами мил, но всегда стоял между матерью и нами. Внутренне я его не смогла принять. У нас постоянно возникали ссоры по пустякам, и мама обычно принимала мою сторону. Это тоже получалось глупо, потому что в конце концов эти мелкие ссоры вырастали в принципиальный спор между Клаусом и мамой, и я чувствовала себя виноватой в этом.

Но хуже всего было не тогда, когда мы ругались, а когда в доме было тихо. Когда мы все сидели в комнате и Клаус смотрел телевизор. Мы молчали. Иногда мама пыталась завязать какой-то разговор, но никто не отвечал, и становилось жутко неуютно. Мы с сестрой чувствовали, что мы здесь лишние, и старались быть на улице как можно больше. Когда мы просились погулять, никто никогда не возражал. Наверное, Клаус не понимал, как много мы и мама значим друг для друга. Он ревновал ее к нам, мы — к нему. Мама же хотела угодить и нам и ему.

УТЕ Ф. Мне хотелось наконец создать настоящий дом, где бы девочки чувствовали себя хорошо и свободно. Это была моя самая большая мечта. Ради этого я так работала. Еще для того, чтобы можно было доставлять детям маленькие радости, покупать им красивые одежки — они все-таки девочки, вместе с ними ездить за город по выходным. Это мелочи, но все-таки! Я преследовала эту цель с упорством маньяка. Я купила для их комнаты кое-какую обстановку и ковер, который они сами выбрали. В 1975 году я даже смогла купить Кристине хороший стереопроигрыватель. Такие вещи делали меня счастливой. Я была так рада, что наконец-то могу себе позволить сделать что-то приятное для детей. А когда я возвращалась с работы уже поздним вечером, я приносила им что-нибудь в подарок: конфеты, или цветные карандаши, или еще какую-нибудь мелочь. Теперь я часто думаю, что это была ошибка так покупать их любовь и признательность, но у меня было всегда для них так мало времени...

Я реагировала на эту ситуацию буйно и агрессивно, сестренка становилась все тише и грустнее. Она часто говорила о том, что хочет вернуться к отцу. После всего, что было, мне это казалось безумием. Однажды отец пригласил нас к себе. С тех пор, как он расстался с нами, его будто подменили. Он обходился с нами удивительно мило, и сестра переехала к нему жить, а я осталась совершенно одна.

Вот тогда я и сблизилась с так называемой «шайкой». Нас было пятеро. Кроме меня и моей подруги Кесси, которая училась со мной в одном классе, все остальные уже работали. Жизнь у всех нас была совершенно одинаковая. Каждому осточертел дом и работа. Мы собирались вместе каждый вечер, слушали музыку, болтали и курили — курили наркотики. Мы никогда не говорили друг с другом о горестях нашей жизни, и по вечерам нам удавалось забывать обо всем, хотя бы на время. Правда, мне было сначала трудно там освоиться, наверное, потому, что я была самая младшая, но зато все остальные были для меня примером. Я мечтала стать такой же, как они. Я хотела научиться у них отключаться от всего, хотела научиться быть безразличной ко всей дряни, которая окружала меня и в семье и в школе. Для меня «шайка» была теперь и родителями, и учителями, всем тем важным, что вообще было в моей жизни, пожалуй, за исключением моих зверей.

УТЕ Ф. Я совершенно ни о чем не подозревала. Кесси, ее подруга, казалась мне очень разумной девочкой. Они как раз были в том возрасте — 13—15 лет, — когда пробуждается любопытство и дети все хотят испробовать сами. Я и не считала нужным возражать, когда они иногда по вечерам ходили в этот евангелистский молодежный клуб. Разве я знала, что там творится! Поскольку этот клуб находился под покровительством церкви, я была уверена, что дети в надежных руках. Мне и во сне не снилось, что они все там гашиш курят. Меня радовало то, что Кристина превратилась в жизнерадостного подростка и больше не грустила о сестричке. Она опять стала много смеяться. Я понятия не имела, что это нездоровое возбуждение у нее от гашиша.

Можно сказать, что в ту самую злосчастную субботу, когда я откачала Кристину после обморока, она мне представила счет за все издержки своего воспитания. Когда она призналась мне со слезами, что колет себе героин, я подумала, что мне надо покончить с собой, нет мне больше места на этом свете. Я думаю, лучше всего мне было умереть в ту же минуту. Я была в таком смятении, что не могла здраво ни о чем думать. Когда я немного пришла в себя, я попыталась трезво оценить, что же происходило в последние годы. В чем были мои ошибки? Как получилось, что я так долго ни о чем не подозревала? Может быть, потому, что я и не хотела ничего знать?

Самое страшное, что Клаус, этот дружок моей матери, ненавидел животных. Он постоянно брюзжал, что нельзя держать столько животных в такой маленькой квартире. Потом он запретил моему новому догу находиться в комнате. Тут я взбунтовалась: у нас дома с собаками всегда обращались как с полноправными членами семьи. А теперь появился этот тип и устанавливает свои правила! Конечно, я взбунтовалась. Тогда Клаус открыл свой козырь. Он объявил, что вообще не намерен больше терпеть животных в своем доме. Мать его поддержала, потому что считала, что я уже не забочусь о них, как раньше.

Мне не помогли ни слезы, ни мольбы, ни угрозы. Собаку отдали. С тех пор мне просто нечего было делать в доме. Я каждый день с нетерпением ожидала пяти часов, когда открывался клуб, где собиралась наша «шайка». Другого места, где я бы чувствовала себя хорошо, на земле не было.

УТЕ Ф. У меня всегда было чувство вины перед Кристиной. Мне всегда хотелось сделать для нее что-то особенное, уделить ей побольше внимания. Но тогда, конечно, я не могла видеть со всей ясностью, насколько это необходимо. Иногда мне становилось как-то беспокойно, когда она проводила время со своими приятелями. Однажды я ее спросила: «Зачем ты вообще общаешься с этими людьми?» И она ответила: «Ах, мамочка, мне их так жалко! С ними ведь никто не хочет общаться, а им очень нужно, чтобы с ними хоть кто-то поговорил по-человечески. Им же нужно помочь!» Кристина всегда была готова помочь другим, поэтому ее ответ меня не удивил. Только теперь-то я знаю, что говорила она о себе самой.

Это лишь начало рассказа, записанного со слов Кристины Ф. корреспондентами западногерманского журнала «Штерн». Трагическое продолжение не заставило себя ждать. Впервые попробовав «слабые» наркотики в 13 лет, в пятнадцать Кристина уже перешла на героин. Чтобы добыть денег, стала заниматься воровством. Возврата назад уже не было.

Перевела с немецкого
И. ПОРУДОМИНСКАЯ

...ОТДЕЛЬНАЯ СЕМЬЯ ДАЕТ НАМ В МИНИАТЮРЕ КАРТИНУ ТЕХ ЖЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ И ПРОТИВОРЕЧИЙ, В КОТОРЫХ ДВИЖЕТСЯ ОБЩЕСТВО, РАЗДЕЛЕННОЕ НА КЛАССЫ...

Ф. Энгельс

Сцена из 8-й серии документального телефильма «Американская семья». Разговор Пат Лауд с невесткой, из которого выясняется, что она решила развестись с мужем:

«Пат. Я просто обезумела, когда узнала... Я всегда думала, что люди, когда они вместе, не должны иметь тайн друг от друга. У нас ведь раньше ничего не случалось... Я ночью прокралась в его кабинет и нашла счета из гостиниц «на мистера и миссис Лауд». Только в этих гостиницах он не со мной бывал.

Я злилась на него, но старалась это скрыть. А он злился на меня. Я иногда что-нибудь скажу, так, в шутку, и вижу, как он хмурится. Значит, во что-то больное попала. А я не хотела...

«ВСЕ У НАС В ПОРЯДКЕ»

Анна РОЙФИ

В 1973 году по телеэкранам США прошел двенадцатисерийный документальный фильм «Американская семья». Режиссер Крэйг Джилберт стремился показать типичную семью и таким образом показать американский стандарт жизни. Он и не задавался целью вскрыть трагизм этого стандарта — трагизм вскрылся сам собой. Америка глядела на типичных американцев, Америка глядела на себя, и Америке стало страшно. О семье Лаудов, героев фильма, о себе, о своей Америке пишет в публикуемой ниже статье журналистка и писательница Анна Ройфи.

Он ничего не скрывает. Слишком ничего не скрывает, ты понимаешь? Помада на рубашках, следы пудры, всякое такое... Это для него как игра. Иногда мне кажется, что он хотел, чтобы я все обнаружила... А я не хотела разговоров, думала, все само собой уляжется. И я устала, я поняла, что у нас больше никогда не будет согласия.

Ивонна. Патти, дорогая... Но у тебя вовсе не такая уж плохая жизнь была, и есть... Я имею в виду, что и дети, и ты — вы все очень приятные люди.

Пат. Это верно, это верно. У меня была хорошая жизнь. Мы хорошо жили. Да и сейчас все не так уж плохо. Совсем не плохо. Я ни о чем не жалею».

Эпизод из 11-й серии документального телефильма «Американская семья». Билл Лауд пишет письмо сыну Лэнсу, в котором он объясняет причины развода с Пат, а также высказывает свое мнение об образе жизни сына:

«Дорогой Лэнс!

Спасибо за твое чудесное письмо. Я очень обрадовался, получив его. Оно хорошо написано, сразу видно, что ты понимаешь в литературе. Ты молодец, что так беспокоишься о своих «замученных проблемами» родителях. И мне нравится, что ты надеешься, что со временем наши отношения станут лучше и я стану для тебя другом, а не «ужасным крокодилом, который не дает денег».

Твоя мать из тех женщин, которых нелегко оставлять. Она действительно единственный человек, которого я люблю всем сердцем. Она абсолютно честная женщина. В течение двадцати лет она была для меня маяком. В то же самое время — и это издержки наших представлений о браке — она требует стопроцентной преданности и внимания. Я с тобой абсолютно честен: у меня не было другой женщины или женщин. Патти всегда была и будет моей единственной любовью...

Но Патти требует от меня отказа от всякой свободы. Мое раздражение от этого будет порождать раздражение в Патти. Она считает, что я должен все время любить ее, а я хочу некоторой, частичной независимости...

Ты говоришь, что я тебя иногда нервировал. Да, я знаю, это правда, и я очень сожалею, что расстраивал тебя. Но я по-прежнему не полностью одобряю твой образ жизни. Впрочем, ты уже взрослый человек и можешь решать сам. И хотя я не все одобряю, я прихожу к выводу, что ты из тех людей, которые учатся на своем опыте, а не на чужом. И я знаю, что ты еще удивишь мир (если, конечно, не убьешь себя своими вредными привычками). Я помню, что, когда мне было девятнадцать лет, мои мать и отец плакали,

буквально плакали, потому, что меня посадили в тюрьму за то, что я избил одного парня. А я сидел в камере и думал: «И что они так расстраиваются? У меня же все будет в порядке». Я, конечно, не сравниваю, ты не в тюрьме, и я знаю, ты добьешься, чего хочешь. Ты просто задержался на старте».

...Мой друг упрямится. Отказывается присоединиться к остальным гостям, которые пошли в соседнюю комнату смотреть по телевизору очередную серию «Американской семьи». «Одна хорошо написанная фраза стоит восьмисот серий любого фильма», — говорит мой друг — поэт, пурист, сноб. А я бегу за другими, я приникаю к телевизору, я не могу оторваться...

Режиссер фильма Крэйг Джилберт и его операторы вошли в дом Лаудов, героев «Американской семьи», в мае 1971 года и покинули этот дом семь месяцев спустя, засняв духовное и физическое разложение старшего сына, Лэнса, засняв разрушение брака родителей, засняв пожар, чуть не сгубивший дом, засняв первую влюбленность старшей из дочерей, Делилы, засняв деловые неурядицы отца, засняв очаровательную, но пугающую бездумность младшего из сыновей, Гранта. Камера бесстрастно фиксировала и тягучую повседневность, и кризисные моменты. А терпеливый зритель впитывал, поглощал этих людей, и словно под микроскопом разглядывали мы мир Лаудов.

Джилберта ввел в семейство Лаудов (имя, рифмующееся с «proud» — «гордые». — *Примеч. пер.*) редактор дамской странички газеты Санта-Барбары, небольшого города на западном побережье США. Джилберт искал «привлекательную пару, у которой были бы дети-подростки». Его идея выглядела просто: «Если я в течение долгого времени буду снимать любую среднюю американскую семью, я смогу показать их поведение и систему ценностей, которые будут типично американскими и, таким образом, будут отражать жизнь каждого из нас».

Джилберт не ошибся: я глядела на жизнь Лаудов как зачарованная, и я была в отчаянии — слишком уж они были похожи на меня, и события, происходившие в их жизни, рикошетом били и по моей. Лауды до того походили на моих близких, на моих друзей, что в голове моей царил хаос: я вынуждена была бороться с искушением считать их особыми, не такими, ненормальными. Но все же я понимала, что, глядя на них, все мы начинаем проникать в печальнейшую из тайн, именуемую Американской Семьей. Обозреватель «Ньюсуик» писал: «Молчание Лаудов — это крик. Это взрыв гноя, скопившегося в их душах, скопившегося в наших душах. Я думаю, молчание это эхом отзовется по всей Америке».

Уж конечно, все мы любим подглядывать в замочные скважины (только некоторые себе в этом не признаются), и посему мы могли бы только радоваться, что кто-то позволяет подглядывать за собой. Лауды не имели никакой финансовой выгоды от того, что телевидение вторглось в их дом, и они охотно подписали все требуемые разрешения. Они считали, что это, должно быть, очень забавно, когда тебя показывают по телевизору. Они знали, что они симпатичны, фотогеничны и что по меньшей мере трое из их детей имеют актерские амбиции. Я думаю, они уже представляли себя «Семейством Партриджей» или же «Компанией Брэйди», но реальность оказалась совсем не похожей ни на одну из упомянутых телекомедий. Фильм о Лаудах был ближе к настоящему искусству, к пьесам Чехова, «Кукольному дому» Ибсена. То, что раньше можно было показать только средствами искусства, предстало перед нами лишенным «стиля», «языка», «ритма», «кульминаций» и прочих атрибутов художественного осмысления, но по силе это было равно настоящему искусству. И все же это была реальность. Отвратительная, но реальность.

Я думаю, Пат Лауд приветствовала телевизионщиков, предполагая, что их появление станет неким отвлекающим моментом в той депрессии, которую она испытывала, но которую не могла выразить словами. Возможно, у нее была неосознанная надежда, что съемка в какой-то степени изменит их жизнь. И она была права: камера неожиданно послужила катализатором взрыва, который обнажил все, что до того было скрыто, запрятано глубоко-глубоко.

Фильм начинается с конца, с ночи на 1 января 1972 года. Пат Лауд встречает полночь, Новый год, в одиночестве, должен следовать традиционный семейный поцелуй, но она целует единственное живое существо, оказавшееся с ней в этот миг, — свою собаку. А потом мы возвращаемся к началу, в май, к семейному завтраку, и нас знакомят с семьей. Нарочито громкие голоса, утренняя вялость — обычный завтрак обычной семьи. Конечно, Лауды помнят о том, что их снимают, и они не забывают об этом до самого конца фильма, и все же члены семьи постоянно обнажают себя, и вопреки маскам, которые они себе выбрали, вопреки неестественности, которую создают снующие вокруг кино- и звукооператоры, зритель начинает понимать, узнавать этих Лаудов, как узнала их я, посмотрев 12 серий фильма.

Лэнс Лауд, цветок зла, доминирует в драме, поскольку дьяволу всегда достается самая интересная роль. Лэнсу двадцать лет, и в начале фильма он живет в отеле «Челси» в Нью-Йорке. Он говорит на студенческом жаргоне, в его рассказе о семье теплоты нет ни капельки. Затем появляется Пат Лауд — она приехала навестить сына. Именно в этом эпизоде мы впервые видим, какое у этой женщины восхитительное самообладание. Она не подготовлена к тому миру, который ее встретил, — миру пьяниц, наркоманов, торговцев наркотиками... Она глядит на сына, гарцующего в этой компании — компании, малоприемлемой для 45-летней домохозяйки из Санта-Барбары, — и реагирует так, как принято в этой семье: пытается сделать вид, будто ничего не происходит, будто все в порядке. Она говорит Лэнсу (который не упускает возможности покривляться перед камерой, клянча деньги, скуля, жалуясь, заявляя, что он «самый интересный человек из всех своих знакомых»): «Я думаю, этот мир подходит тебе, здесь ты нашел себя». Стандартная модная фраза, за которую так удобно прятаться. Она болтает с сыном, оставляет ему деньги, пытается даже понять его, но он — вне понимания, он там, в зазеркалье, среди уличных котов, чьи поступки, ужимки — язвительная пародия на нас, оставшихся по эту сторону.

Она знает больше, чем говорит перед камерой, больше даже, чем говорит самой себе. В складках у рта таится печаль, все это не согласуется с привычными приветливыми словами, которые она произносит. Пат Лауд крепкая женщина, она не дозволяет тоске и страху взять верх — это «не по-американски». Она жаждет быть светской женщиной, «настоящей американкой», но в жестах ее чувствуется напряженность.

Лэнс сообщает зрителям, что он хотел бы быть персонажем из детской книжки, Питером Пэном — вечным игривым ребенком, который никого не любит, ничего не делает, ничем никому не обязан и никогда не вырастает во взрослого — в того, кто позволяет себе горечь любви, работы, забот. Лэнс заявляет матери, что собирается поехать в Европу с театральной труппой, при которой он вроде бы околачивается. Камера следует за ним в Европу: в Париже Лэнс заводит знакомство с такой же экзотической, чудовищной компанией, что и в Нью-Йорке. Лэнс постоянно звонит домой, просит денег, с каждым звонком отец все больше негодует, но отказать не может. И правда: кто же из нас позволит своему дитятке голодать на парижских бульварах?

Когда Пат в конце долгой недели, проведенной с сыном в Нью-Йорке (недели, в течение которой она — запомним это — ни разу не заплакала над своим бегущим к смерти сыном, ни разу не разозлилась на него, ни разу не показала, как ей больно), сидит в ожидании поезда, Лэнс по-детски пытается приласкаться к ней, а она отталкивает его. Печаль воцаряется в комнате. Мать и сын расстаются — ничего особенного не происходит. Мать и сын нуждаются друг в друге, но пойти навстречу друг другу они не могут. Как часто мы отходим от наших взрослеющих детей — отходим с чувством того, что вот-вот что-то должно было состояться между нами и не состоялось. А ведь мы честно пытались приблизиться к ним, да попыток этих было недостаточно. Мы даже не пытались понять их, поскольку наши взрослеющие дети не отвечали тем моделям, которые мы создали в воображении. Любовь к детям жила в нас, и она уже убивала эту любовь, подобно раковой опухоли, которая хоть и смерть, но все же часть твоего тела.

Лэнс возвращается из Европы в Санта-Барбару уже после того, как родители его разошлись. Камера ловит его в тот момент, когда он кокетничает перед зеркалом. Камера показывает его визит к отцу в контору, где он врет о том, что учится в школе журналистики, он ломается, кривляется — чудовище с офорта Гойи. Отец пытается отвечать на остроты сына, но эти остроты он не вполне даже и понимает. Отец старается не показывать никому — ни камере, ни сыну, ни, главное, себе — свое разочарование, ибо каково ему, человеку, занимающемуся продажей запчастей к горнодобывающим машинам, человеку, окруженному «крепкими орешками», каково ему иметь такого сына, как Лэнс? Отец ведь живет в мире, где мужчины сильны и положительны и где на них положено полагаться.

Лэнс некоторое время слоняется по дому, потом уезжает в Нью-Йорк. В конце фильма — в канун Нового года — мы видим, как он звонит матери, в тысячный раз жалуясь на жизнь, в тысячный раз клянча деньги. Он в толпе подобных ему юношей в экзотических тряпках. Этот Лэнс — он настоящий американский сын?

Конечно, люди могут задать вопрос: как же получился в такой вроде бы здоровой семье такой Лэнс? И мы узнаем, что уже в четыре года психиатры находили его «чересчур активным» и давали ему успокоительное. В 14 лет он ни с того ни с сего выкрасил волосы в серебряный цвет. Потом, как говорит Пат, «он поднялся к себе в комнату и два года не выходил оттуда». Но тем не менее Пат считала, что с сыном все в порядке!

Теперь Пат обвиняет Билла: он мог бы быть лучше, если бы Билл... Билл обвиняет Пат.

Младший сын, 17-летний Грант, очень милый юноша. Он мечтает стать рок-звездой. У него есть группа, но он явно не привык работать, и у него почти отсутствует самодисциплина. Тем не менее его улыбка, его манеры настолько обаятельны, что из него вполне мог бы получиться популярный артист. Грант в свои семнадцать лет не может ответить учителю на вопрос о том, в чем трагедия реконструкции Юга после гражданской войны. Он даже не может определить значение слова «трагедия» (как и остальные Лауды, он считает, что печальные вещи и названий не заслуживают). Он ненавидит школу, он ненавидит труд, он немного любит музыку и очень — телевизор.

Грант теплый парнишка, у него есть чувство юмора, и он способен на любовь. Мне кажется, что, если бы Грант жил 150 лет назад, двигался на Запад вместе с первопоселенцами и вынужден был прилагать усилия, чтобы выжить, из него получился бы если и не герой, то мужчина; сегодня же он вечное дитя.

За семь месяцев, что снимался фильм, с ним случились две неприятности. Самая большая — отец подыскал ему временную работу лаборанта, а Грант не хочет ею заниматься, да и вообще не хочет работать. Он никак не поймет, почему он должен работать: ведь у него и так есть все, что можно купить за деньги! В конце концов отец подкупает Гранта, обещает ему двухнедельное путешествие после окончания срока работы. Следующая неприятность: Грант попадает в небольшую автокатастрофу, разбивает крыло машины. Кажется, Грант в этот момент задумывается над хрупкостью жизни. Но вспомнит ли он об этом через секунду? Сомневаюсь.

Средний сын, 18-летний Кевин, ездил с помощником отца по делам фирмы в Таиланд, на остров Бали и в Австралию. Он пишет домой формальные письма, лишенные как тепла, так и грамматики («Дела идут харашо»). Кевин возвращается, но он даже толком и не рассказывает о поездке, кажется, что он ничего не видел, ничего не узнал. Он предстает перед камерой со светлой улыбкой, у него симпатичная физиономия. Его ничего особенно не интересует. Он ни с кем не ссорится, всегда приветлив. С ним все ясно: он собирается войти в семейный бизнес.

В колледже Кевину было задано сочинение о Гамлете. Он честно работал над темой целую неделю, пытался написать. Но в конце концов он оставляет попытки и нанимает друга... Может, из него и получится неплохой бизнесмен, он женится на сильной женщине, и она даст его жизни форму и наполненность...

Делиле 15 лет. Она танцует, наряжается, вертится перед зеркалом, как любая девочка ее возраста. Камера подглядывает, как она кокетничает с мальчиком. Камера ловит ее во время прекрасного разговора с отцом по телефону. Любовь к отцу освещает ее лицо, пока они обсуждают свои домашние дела. И когда она вешает трубку, вы видите, как покидает ее приподнятое настроение, как печаль на мгновение обволакивает юное, совершенное тело... Любимый отец ушел из дома, любимый отец так далек. Но Делила не привыкла грустить. Она спокойна, собранна, она конформистка, она умело держит дистанцию между собой и окружающими. Она мало дает, но и мало требует. Делилу, как и остальных Лаудов, совсем не интересует судьба сезонных рабочих — в то время рассказами о них пестрели все газеты; она не горюет о солдатах, попавших во вьетнамскую бойню; она не рассуждает о поэзии и философии; она не подвержена юношескому максимализму, и ее не посещают столь привычные для этого возраста мрачные мысли о жизни и смерти. Когда смотришь на ее мягкое хорошенькое личико, хочется, чтобы Великая Американская Мечта сработала хотя бы для нее, поскольку она, как и все Лауды, не способна и не хочет думать.

Самой младшей, Мишель, тринадцать лет. Ей не нравится сниматься, наверное, из-за прыщиков, это возрастное. Она сентиментальна, любит животных, и мы всегда видим ее с кошкой, с собакой. Мы видим, как она, с еще не совсем испорченной лаудовским воспитанием откровенной нежностью расчесывает гриву своей лошади, она полна неприкрытой материнской ласки, дай ей бог не вырасти в одну из Лаудов.

Пат и Билл ссорятся. Это происходит там, где происходят все американские семейные ссоры, — в переполненном ресторане, кругом хмельная публика, да и Билл тоже уже порядочно выпил. Следующий эпизод: Билл возвращается из деловой поездки, и Пат вручает ему визитную карточку своего юриста — она хочет развода. Билл не меняется в лице, он звонит по делу в контору, потом поворачивается к Пат: «Тогда я не буду распаковывать чемодан?», и без всякого сожаления, вообще, без всяких эмоций покидает дом, где он 20 лет прожил со своей женой и детьми. Пат рассказывает своему брату и невестке о том, что еще пять лет назад она обнаружила, что Билл ей изменяет. Сначала она была потрясена, но потом ей удавалось хранить равновесие. Теперь же она хочет начать новую жизнь, она надеется на будущее.

Билл объясняет: он любит Пат, но ему наскучили чрезмерные семейные путы. Камера застигает его в Лас Вегасе, где он рассуждает перед двумя какими-то девицами о том, что чрезмерные обязательства разрушили Американский Брак.

Билл прекрасно выглядит для своих пятидесяти — крупный привлекательный мужчина с открытой, теплой, рекламной улыбкой. Он всю жизнь не подпускал к себе потери, утраты, и он не в состоянии вынести ни одного конфликта. В это время и дела Билла приходят в некоторый упадок: происходит забастовка шахтеров — еще одна трудность, еще одна проблема, перед которой его поставила жизнь. Билл досадует теперь на телефильм, ибо в нем «развод предстал гораздо более печальным, чем это было на самом деле». Только человек, подобный Биллу, человек, цепляющийся за мысль о том, что он живет в лучшем из миров, может считать развод чем-то вроде легкой зубной боли. Пытаясь заставить своего сына Гранта — а Билл явно зол на него — пойти работать, он говорит мягко так, успокаивающе: «Ты же всегда был хорошим мальчиком. Мы ведь с тобой никаких тревог не знали».

Он избегает всяческих разговоров на острые темы, он старается не тревожиться о других, и потому он и не способен понять никого. Он не привык задавать себе вопросы, и если что-то идет не так — он успокаивает себя мыслью, что вина в этом кого угодно, но только не его.

Почему он изменял жене? Фильм не дает никаких прямых объяснений, но мы можем догадаться. Когда Биллу сровнялось сорок пять, он понял, что его старший сын не оправдает семейных надежд, и это нежеланное открытие потрясло его веру в себя. Разочарование заставляет его искать новые способы самоутверждения. Но он также видит, что ему трудно уже быть завоевателем в новых областях, годы ушли. Остается привычная область побед — женщины, и он бросается в битву, чтобы не слушать докучливых мелодий сожаления о неудавшейся жизни.

Один из родственников Билла говорит о нем: «Когда Билл был еще студентом, он не назначал свиданий девушкам, у которых не было меховых шубок». В этом мире, где пьют много коктейлей, но мало размышляют, внешнее ценят превыше всего. В этом мире мужчины нуждаются в алкоголе и женщинах, чтобы защититься от мыслей, и обаяние помогает им держать круговую оборону. Это вина нашего общества, что мы не научили их думать и чувствовать и что даже создание семьи не требует усилий. И первой жертвой стала сама семья. Потому что за внимание и любовь надо платить вниманием и любовью.

Пат красивая, хорошо и модно одетая женщина. Она окончила колледж, но ее разум и душа спят. Ее не ужасает то, во что превратился сын Лэнс, но она зло выговаривает ему за то, что он поехал со своим другом в Вашингтон для участия в антивоенной демонстрации. Она предостерегает: не лезь в политику, угрожает даже не давать больше денег. То, что сын может быть замешан в политических акциях, заботит ее куда больше, чем его наркотики и чудовищный образ жизни. О людях она судит лишь с внешней стороны: кто сколько зарабатывает, у кого какие манеры.

Пат не может вынести, что ее кто-то не любит, она должна нравиться всем, и даже при самых, казалось бы, напряженных разговорах о разводе она помнит о правилах приличия. Так и хочется встряхнуть ее, крикнуть — да заплачь ты, разозлись, в конце концов устрой скандал! Нет, Пат упорно держится за внешнее, потому что не хочет, да теперь уже, наверное, и не умеет нарушать свой внутренний мир.

Естественно, не съемки стали причиной развала семьи, они лишь ускорили неизбежное. Сразу же после показа фильма Пат послала режиссеру благодарственное письмо. Она писала: «Я думаю, вы сделали фильм со всей возможной мягкостью и добротой и остались при этом честными. Я восхищена и невероятно горда тем, что именно наша семья удостоилась чести...» После того же, как появились рецензии, говорившие о неприглядности Лаудов, Пат и Билл начали выступать против фильма. Пат сказала корреспонденту местной газеты: «Я думаю, мы очень здоровая и спаянная семья. К разводу надо относиться философски...»

Лауды реагировали на общее мнение о трагической пустоте их жизни по-лаудовски — отвергая это мнение: «У нас все в полном порядке!» Билл обвинил создателей фильма в левых настроениях: они-де призывают к коммунизму, к революции, фильм антиамериканский, ибо он дурно толкует американскую семью.

Лаудов легко понять: они предстали перед публикой совсем не в том виде, в каком ожидали предстать. Но я хотела бы успокоить их: они не отличаются от всех нас.

Когда я смотрела фильм, я вдруг поняла: в жизни Лаудов совсем отсутствует духовность. И если существует такой термин, как «отрицательная культура», «культура со знаком минус», то его к Лаудам и должно применять.

Высший признак духовной активности семьи: звуки рок-музыки. Они ничем не увлекаются, ничем не интересуются. Такое ощущение, что в этой семье вообще не существует понятий добра и зла и нет ни навыка, ни желания отличать хорошее от плохого. В традиционных обществах все знают правила и знают наказания за нарушения правил. Но Лауды не обладают даже традиционной моралью прежних провинциальных американских городков. У них нет корней. Они свободны от системы ценностей и потому похожи на неандертальцев.

Билл и Пат Лауды заключены в благополучную скорлупу своей гостиной и не хотят видеть ничего за ее стенами. В фильме есть такой момент: невдалеке загорается кустарник, огонь почти подбирается к дому. Мишель еще достаточно юна, чтобы испугаться и закричать. А Пат и Билл перебрасываются лишь небрежными фразами: если бы дом и загорелся, то все равно не страшно, он застрахован. Ничто не в силах смутить их покой — покой, в котором нет души. Красивые, картинные коктейли — символ американской жизни, американского благополучия. Их пьют на красивых американских вечеринках, они дают минутную эйфорию и испаряются. Так и мир Лаудов — красивый, глянцевый, рекламный — испаряется, не оставив следов. Кроме легких следов разрушения, какие оставляет в организме алкоголь. Но мы знаем, что привычка к алкоголю может привести и к последствиям очень серьезным.

В то время, когда снимался фильм о Лаудах, грохотала война во Вьетнаме, по всей Америке проходили забастовки. Ежедневно в мире гибли люди — от бедности, голода, где-то не хватало врачей, а где-то миллионы были безграмотны. Но ни одна из трагедий, происходивших в мире, не бросила тень на сверкающий мир Лаудов; в их доме не принято говорить о неприятном. Лауды когда-то перевели детей в другую школу: в прежней стало слишком много мексиканцев и черных. Лауды превыше всего ценят удачу, успех, но их не заботит то, каким способом человек успеха добился. И уж никак не заботит тот, кто успеха не достиг, — они таких просто не знают, не видят.

Они не принадлежат ни к одному клубу, ни к одной общественной группировке — пусть даже абсурдной. Пат не вяжет, не шьет, не выращивает хризантем, не рисует, не читает, не ходит в кино. Когда Лауды дома, они проводят время, бездумно лежа вокруг голубого бассейна во внутреннем дворике дома — вокруг бассейна, который стал символом американского благосостояния. А мне этот бассейн стал казаться чем-то вроде опасного болота, порождающего страшную эпидемию — эпидемию бездуховности.

Да что это я все о Лаудах, да о Лаудах: ведь и я, и мои дети — мы тоже потребляем, а не создаем.

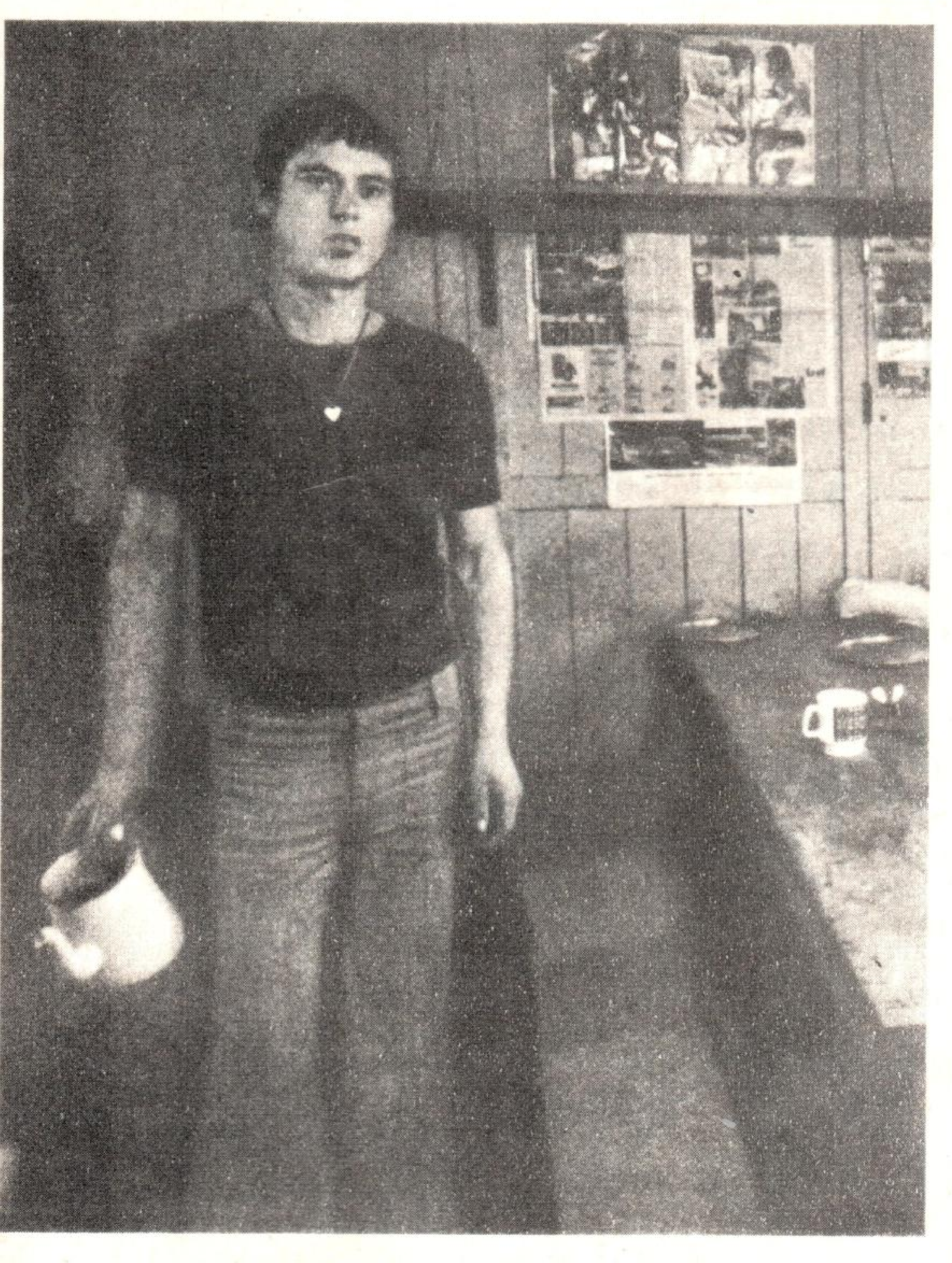
Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

...КАК ДАВИТ КАПИТАЛ И САМОГО РАБОЧЕГО И ЕГО ЖЕНУ И ДЕТЕЙ, КАК УХУДШАЕТСЯ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА, УВЕЛИЧИВАЕТСЯ БЕЗРАБОТИЦА И НУЖДА.

В. И. Ленин

ДОМ ДЛЯ ВДОВ САНТИНИ

И. ИВАНОВ

„Внимание, внимание! Пассажиров, следующих из Палермо в Дюссельдорф рейсом АЗ 416 компании «Алиталия», просим пройти на посадку. Повторяю...» Всколыхнув застоявшуюся толпу в зале ожидания аэропорта, голос диктора качнул ее к взлетному полю. Лишь несколько человек, казалось, не слышали объявления. Суровые и скорбные лица мужчин, черные платья и заплаканные глаза женщин... Сбившись в неловкую плотную группу, эти люди молчаливо стояли посреди по-южному яркой и говорливой толпы, которая обтекала их со всех сторон.

Чуть поодаль от группы застыли еще двое: старик и совсем еще юная девушка. Черный костюм из тех, что носили лет двадцать назад, но добротный и вполне еще крепкий (видно, доставали его из шкафа нечасто), неуклюже топорщился на старике: то ли был прежде стройнее его владелец, то ли горе, заставившее надеть эту траурную одежду, согнуло его спину. Загорелые до черноты, огрубевшие от многолетнего крестьянского труда руки старика время от времени судорожно одергивали полы непривычного наряда. Приникшей к седому крестьянину девушке тоже нелегко давалось спокойствие. Покрасневшие, опухшие от слез глаза, судорожно зажатый в руке платок, невидящий взгляд...

Предотлетная суета обходила их стороной, разбивалась о безучастие людей в трауре. Торопливые сборы среди ночи, потом спешка по дороге в Палермо, беспокойство за билеты — все это до последней минуты не давало им ни времени, ни возможности в полной мере почувствовать размеры постигшей их утраты, подумать о нежданно ворвавшейся в дом беде, которая и заставила бросить все дела и устремиться в аэропорт...

Звонок раздался ночью. Сбивчивый, взволнованный голос в телефонной трубке принес первое известие о трагедии, которая обрушилась на семью Сантини из небольшого сицилийского городка Кастельбуоно: за много сотен километров от него, в окрестностях западногерманского города Дюссельдорфа, произошла катастрофа. Во время взрыва в одной полукустарной мастерской по производству

металлических оконных и дверных ручек погибло несколько человек. В момент взрыва там находились братья Лучио, Джоаккино и Винченцо Сантини и еще три рабочих-итальянца, выходца с Сицилии.

Звонивший по телефону, тоже иммигрант-сицилиец, случайно узнал о происшедшем по радио и немедленно отправился на место катастрофы. Там он сам увидел, как полицейские и пожарные выносили из развалин здания пять обезображенных взрывом и огнем тел. Еще одного пострадавшего в тяжелом состоянии отправили на санитарном вертолете в специальную клинику в Дуйсбурге.

«Проклятая страна, проклятая нужда и трижды проклятый новый дом!» — все твердил Паоло Сантини, шестидесятилетний крестьянин, глава семьи и отец братьев Сантини. Острое чувство вины перед детьми и сознание своей ответственности за несчастье не покидало его ни на минуту. А сейчас, когда к плечу его приникла Мария, невеста Винченцо, эта мысль просто сводила его с ума. Ведь это он, именно он, первым покинул родные места и отправился на заработки, указав тот же путь своим сыновьям.

Правда, не один Паоло бросил тогда землю. Лишь за последние десять лет из Кастельбуоно уехало более пяти тысяч человек. В их городишке, прилепившемся на склоне горы Мадоние, работы никогда не хватало на всех. Только недавно появилась надежда хоть на какие-нибудь перемены. Начались разговоры о том, что и на Юге Италии будут строить заводы и фабрики, говорили, что на это даже выделены немалые средства, но рабочих мест пока не прибавилось ни в Кастельбуоно, ни в округе. Правительственные деньги частью осели в карманах взяточников-чиновников, частью ушли на сооружение роскошных современных автострад. Но какой прок от этих дорог тем, кто ищет себе постоянную работу?

А лет десять назад не было и тени надежды найти себе место в родных краях. Земля же не могла прокормить всю семью. Скудная почва, частые засухи и недостаток воды, которую приходилось втридорога покупать у хозяев колодцев, полуголодное существование на грани нищеты — как тут было не послушать заманчивых советов поискать счастья за границей?

И еще был дом. Точнее, тогда была только мечта о большом, светлом и просторном, на всю семью доме. Старшему сыну исполнилось в то время уже двадцать лет, младший только делал первые шаги. Всего же у Паоло было их семеро. И еще была Мария. Дочь дальних родственников Сантини, она в шесть лет осталась сиротой после землетрясения, которое почти до основания разрушило сицилийский поселок Беличе. С полгода прожила она вместе со своей бабушкой в одном из сборных металлических бараков, спешно построенных на месте развалин. На Сицилии не редкость холодные зимние ночи, и в одну из таких ночей в неотапливаемом бараке бабушка заболела воспалением легких. Так на плечи Паоло легла забота о восьмом ребенке, Марии.

Словом, теснота была невообразимая уже в то время. А что будет потом, через несколько лет, когда сыновья подрастут и захотят завести собственные семьи? Извечная и самая заветная мечта каждого сицилийского крестьянина о собственном большом доме, пожалуй, и заставила Паоло, взяв с собой двух старших сыновей, поехать в ФРГ.

Те годы Паоло не любил вспоминать. Все рассказы о легких заработках оказались полной выдумкой. Несколько лет пришлось им тогда работать чернорабочими. Работать, как на каторге, от зари до зари, отказывая себе во всем ради того, чтобы не уменьшались суммы переводов домой. А жизнь в жалком грязном бараке, а постоянные унижения и презрительная кличка «итаккийцы», которой наградили иммигрантов на чужбине? Нет, все это лучше поскорее позабыть, еще тогда решили они. Так и поступили, тем более что сделать это было много проще от сознания того, что в Кастельбуоно Сантини вернулись если и не богачами, то уже и не последними бедняками.

Горечь прежних лет с особой остротой вернулась к Паоло лишь сегодня, в зале аэропорта в Палермо. «Несчастный тот день, когда я решился уехать! Лучше было бы умереть с голоду, чем думать о том, что там...» Но ни к чему теперь ругать себя. Не мог он тогда не уехать, как не мог не послать спустя несколько лет своих сыновей на заработки еще раз.

В городке с населением всего лишь в тринадцать тысяч человек жизнь каждой семьи проходит на виду у всех. И с особым вниманием и интересом смотрят соседи и знакомые на тех, кто решился оставить родные места и отправиться на чужбину. «Повезет ли таким, и, может, стоит последовать их примеру?» — не раз спрашивает себя каждый и с нетерпением ждет рассказов, доказательств того, что сосед оказался удачлив, сумел-таки приманить счастье и достаток в свой дом.

По всеобщему мнению, семье Сантини повезло, причем повезло изрядно. Это ли не успех: вчерашние крестьяне-бедняки открыли собственный маленький бар и даже заложили фундамент нового дома! Уважение соседей, зависть нерешительных неудачников — Паоло и его сыновья в равной степени гордились и тем и другим. Но больше всего домом. Он вырастал именно таким, каким они видели его в своих мечтах. Высокий, в два этажа, с просторными и прохладными даже в самый сильный зной комнатами. Самая большая из них, конечно, предназначалась старшему, Лучио, ведь у него уже было двое своих ребятишек. Поменьше — для Джоаккино и его Антониетты. А ту комнату на втором этаже, оба окна которой выходили в сад, Паоло решил отдать Винченцо и Марии.

Мария за эти годы незаметно превратилась в настоящую красавицу, обладавшую к тому же легким, веселым характером. От взгляда на нее у Паоло всегда теплело на сердце, и он не переставал радоваться, что Винченцо выбрал себе такую невесту. Радовало Паоло и то, что со временем девушка стала хорошей хозяйкой и помощницей своей названой матери. Любое дело, за которое она бралась, спорилось в ее руках, и выходило все легко, весело, словно шутя. Поэтому не случайно Мария стала любимицей старого Паоло, и не случайно он с особой заботой обдумывал, в какой комнате со временем поселятся молодожены.

Между тем стены дома поднимались все выше, мечта и цель жизни Паоло и его сыновей становилась реальностью прямо на глазах. Но заработанных в ФРГ денег хватило ненадолго. С расчетливой скупостью отложенные лиры подошли к концу, а бар, на который возлагалось немало надежд, доходов почти не давал. В Кастельбуоно оказалось не так уж много тех, у кого были деньги, чтобы тратить их, потягивая местное красное вино в компании друзей за стойкой. Напрасными были усилия Паоло, всеми правдами и неправдами старавшегося подешевле добывать самые лучшие вина, не принесли успеха ни красота, ни трудолюбие Марии, взявшей на себя основную тяжесть заботы об этом, как оказалось, неудачном торговом начинании семьи Сантини. Годами вынашиваемые планы и надежды грозили вот-вот рухнуть, потому что постройка дома потребовала неожиданно больших расходов, пришлось лезть в долги и теперь выплачивать еще и проценты.

Тогда-то и появилась у Паоло мысль снова попытать счастья за границей. Решиться на это, правда, было нелегко. Сам Паоло поехать не мог — годы не те. Посылать сыновей тоже не хотелось: у Лучио дети совсем еще малыши-несмышленыши, Джоаккино только недавно женился, и было бы жестоко надолго разлучать его с женой. Винченцо же слишком молод, чтобы мыкаться по баракам и ночлежкам для рабочих-иммигрантов. Паоло долго не мог принять решения, но бесконечно тянуть тоже не мог — слишком сильной становилась угроза, что недостроенный дом придется продать за долги.

«И зачем только я сказал им тогда: езжайте в ФРГ, раз на Сицилии для вас работы нет! — с горечью думал Паоло в бурлящей толпе авиапассажиров. — Вы сильные, молодые, вы сможете найти себе место. И вот, нашли...»

Лучио уговаривать не пришлось: сам отец, он прекрасно понимал, что другого выхода нет. Джоаккино согласился тоже быстро, да и как ему было не согласиться, раз его Антониетта уже ждала ребенка. Вот Винченцо... В девятнадцать лет особенно тяжело уезжать на чужбину, надолго прощаться с родным домом, тем более что в нем остается невеста, с которой только-только успел обручиться. А свадьба... Когда-то еще она будет. Если только будет. Если заработаешь деньги на эту свадьбу и на новый дом, в котором поселишься с женой.

Дом. Опять он пришел на память Паоло, опять эта мука и это наказание. Ладно, сам бы он дожил и в старом, много ли надо старику? Но ведь хотелось сделать как лучше не себе, а сыновьям...

Впрочем, Винченцо оказался молодцом, не пал духом и быстро приноровился к суровой жизни рабочего-иммигранта. А как только братья нашли себе постоянное место и дела у них пошли на лад, его отношение к этой поездке и вовсе изменилось. Еще бы, Винченцо, самому юному из троих, особенно приятно было сознавать, что он начал самостоятельно зарабатывать деньги, сам покупает свадебные подарки для Марии, и после женитьбы они будут жить в доме, одна из комнат которого станет теперь по праву принадлежать ему.

А какие письма присылал Винченцо! Сам Паоло так и не научился грамоте, и ему их читала вслух Мария: поклоны отцу и матери, родственникам и друзьям, а почти все остальное — мечты и планы на будущее, когда он вернется насовсем в Кастельбуоно. Винченцо все беспокоился, будет ли уже готова к его приезду комната, спрашивал, не нужно ли что-нибудь купить для дома, советовался с Марией о том, как получше убрать и украсить их будущее жилище. И почти ни слова о том, как тяжел его труд.

Он работал ради будущего, счастливого будущего, ради своей Марии. Поэтому он готов был безропотно переносить все лишения. Накануне своего отъезда из Кастельбуоно, когда уже были куплены билеты на самолет, Винченцо, принарядившись, пошел с ней в местное фотоателье. Там они попросили сделать два снимка — один для нее, другой он взял с собой. Это были их единственные фотографии, ведь с детства они еще ни разу не расставались, и прежде нужды в них просто не было. Паоло потом не раз замечал тот снимок в руках у Марии. И хотя старый крестьянин считал все это баловством и ненужной тратой денег, вслух свое мнение он никогда не высказывал — пусть остается как есть, раз детям снимки служат утешением и поддержкой.

Братья Сантини считали, что им повезло с этой мастерской. Платили в ней чуть побольше, чем всюду, и жилье нашлось совсем неподалеку, и довольно дешевое. Правда, и требовали от них на работе немало, да все равно, от добра добра не ищут. Тем более что в последнее время отношение к иммигрантам в ФРГ стало заметно хуже, местная печать все сильнее нажимала, что «грязные итаккийцы» отбивают хлеб у своих и безработица, мол, из-за иммигрантов. В самом же деле итальянцам давали только самую грязную и низкооплачиваемую работу, почти все большие заводы захлопнули перед ними свои двери. Для иммигрантов осталась одна возможность: устроиться на какой-нибудь полукустарный заводик или в мастерскую с допотопным оборудованием и неполным десятком рабочих, вроде той, что нашли Сантини. Но тяжелой работы братья не боялись, наоборот, с радостью соглашались на сверхурочные часы и ночные смены, лишь бы за это платили деньги, лишь бы этим можно было приблизить время возвращения домой, в Кастельбуоно.

Им оставалось пробыть там совсем немного, может, полгода. Лучио знал цену труду и деньгам, умел заставить братьев жить поскромнее, откладывать побольше. Благодаря его твердости они собрали уже почти все. Письмо от Винченцо с сообщением о том, что братьям удалось, поднакопив денег, самим стать арендаторами той мастерской, Паоло заставил Марию перечитать раз пять, не меньше. Еще бы, такая радость, такая большая удача для всех Сантини. Письмо зачитали тогда чуть ли не до дыр, но никто не обратил внимания на подробное описание самой мастерской и на несколько слов о том, что все ее оборудование безнадежно устарело и обветшало. Трудно было представить, каким несчастьем это обернется впоследствии.

Хуже всего работала установка для очистки воздуха. В помещении мастерской постоянно висела пыль из тончайших частиц алюминия, которая в соединении с воздухом превращалась в опасную взрывчатую смесь. Но хозяин не собирался менять вентилятор, а братьям такой расход был не по карману, да и к чему было арендаторам тратить собственные деньги на ремонт чужого оборудования? Приходилось мириться с постоянным риском, надеяться, что обойдется.

«Ну почему никто мне не расскажет толком, что там произошло? — искренне недоумевал Паоло. — Ведь в утренних газетах уже есть сообщения, я сам видел, как Мария плакала, читая их. А потом спрятала газету и ничего говорить мне не хочет. Вроде кто-то сказал, что Винченцо пострадал меньше всех? Нет, не может быть так, чтобы все трое...»

Винченцо и на самом деле прожил чуть дольше других. Когда полыхнуло пламя взрыва, он стоял немного в стороне и огненный всплеск лишь слегка задел его. Но и этого было достаточно. Когда пожарные достали его из-под груды обломков, Винченцо был без сознания, но еще дышал. И все же напрасно спешили отправить его на санитарном вертолете в клинику в Дуйсбурге: ожоги были так сильны, что даже пересадка кожи не могла продлить его жизнь.

А остальные умерли сразу. И Лучио и Джоаккино. И Джузеппе и Пьетро Оккросио (тоже братья и тоже родом из Кастельбуоно, они совсем недавно присоединились к Сантини). И Эмануэле Марио Преститино, еще один сицилийский юноша, покинувший родину в поисках заработка.

Старый Паоло ничего этого еще не знал. Его решили пощадить, хоть на время утаить от него истинные размеры несчастья. И он упорно цеплялся за какую-то призрачную надежду, продолжая верить, что сыновья еще вернутся, обнимут его и сядут вместе с ним за стол в их новом (достроенном всего месяц назад!) доме. «Повторяю! Пассажиров, вылетающих рейсом АЗ 416 по маршруту Палермо — Дюссельдорф...»

ИЗДЕРЖКИ БРАКА

Джоан Дидион, американская писательница

Чтобы пожениться в Лас Вегасе, штат Невада, невеста должна поклясться, что ей исполнилось 18 лет или, во всяком случае, что у нее есть родительское разрешение. Аналогичные требования для жениха: 21 год и родительское благословение. Брачное свидетельство будет стоить вам пять долларов (по праздникам и воскресеньям — пятнадцать), и получить его можно в любое время суток (перерыв, чтоб вы знали, с 4 до 5 утром и с 21 до 22 вечером). Никаких документов не требуется. Штат Невада — единственный в Америке, где не нужно проходить испытательный срок со дня подачи заявления.

Задолго до того, как вы подъезжаете к Лас Вегасу, ваше воображение поражают огромные рекламные щиты, достойно украшающие унылый пейзаж бескрайней пустыни, которая может похвастаться одними гремучими змеями; при свете луны вы читаете: «ХОТИТЕ ПОЖЕНИТЬСЯ? Съезд через 300 метров. Информация бесплатная».

Индустрия брака в Лас Вегасе самый свой большой триумф отпраздновала, по-видимому, 26 августа 1965 года, в ничем, казалось бы, не примечательный четверг, когда президент США издал приказ, согласно которому начиная со следующего дня женитьба уже не освобождала призывников от воинской повинности[1]. К полуночи число зарегистрированных супружеских пар достигло 171. Мистер Джеймс Бреннан, проводивший эту операцию, затрачивал в среднем три-пять минут на каждую чету. Восемь долларов — и вы свободны. Одна невеста обеспечила фатой еще шестерых претенденток. «Разумеется, я мог бы поженить их всех разом, — сказал потом мистер Бреннан, — но ведь это люди. А люди, они весьма чувствительны в вопросах брака».

[1] *До 1973 года вооруженные силы США комплектовались на основе воинской повинности и частично по найму. В 1965 году, в разгар агрессии против Вьетнама, были отменены ограничения при призыве семейных новобранцев. — Примеч. ред.*

Если это действительно так, остается только удивляться, что именно приводит столь чувствительных людей в Лас Вегас, самый фантастический и далекий от реальной жизни город в Америке, город, где все помешаны на том, как бы поскорее удовлетворить свои прихоти, город, атмосфера которого определяется мобстерами[1], девочками по вызову и коридорными с заветным «порошком» в кармане халатика. В Лас Вегасе нет времени как такового: ни дня, ни ночи, ни прошлого, ни будущего (в одном казино, например, дошли до того, что стали круглосуточно, через равные промежутки времени, выпускать бюллетени с информацией относительно событий во «внешнем» мире); нет здесь также и ощущения, что ты — это ты. Ничего удивительного — вокруг тебя выстроен мир, который не существует.

У соседних городов штата Невада — Рено или Карсона, типичных городков Среднего Запада с фермерским укладом — есть свое прошлое и своя историческая перспектива. Лас Вегас же, похоже, существует лишь в воображении того, кто на него смотрит. Все это, конечно, довольно любопытно и достаточно необычно, однако, с другой стороны, совсем не вяжется с нашими традиционными представлениями о брачной церемонии. Лас Вегас и белое подвенечное платье, Лас Вегас и... интим со свечами — вот уж воистину абсурд!

И тем не менее... Бизнес на службе института брака процветает в Лас Вегасе. «Душевно и со вкусом начиная с 1954 года», — читаем рекламное объявление на одной из местных часовен. Всего в Лас Вегасе 19 таких часовен для венчания, все они друг с другом соперничают, и каждая предлагает лучшее, скорейшее и, судя по всему, задушевнейшее обслуживание: У НАС ПРЕВОСХОДНЫЕ ФОТО, ЗАПИСЫВАЕМ СВАДЕБНУЮ ЦЕРЕМОНИЮ НА ПЛЕНКУ, МЫ ДЕРЖИМ ДЛЯ ВАС

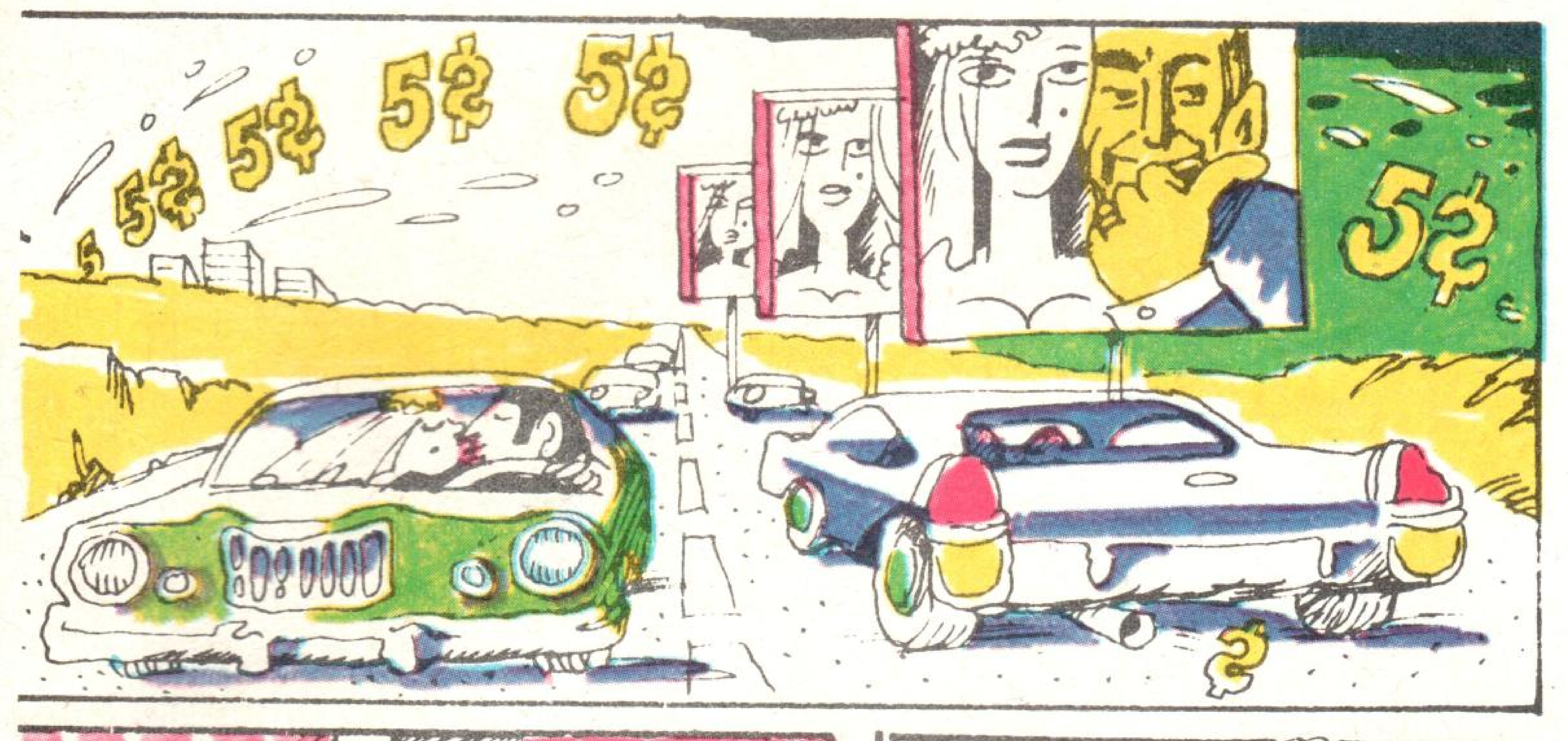
[1] *Новообразование от англ. «mob» — «толпа»; «мобстер» — «человек, затерянный в толпе». — Примеч. пер.*

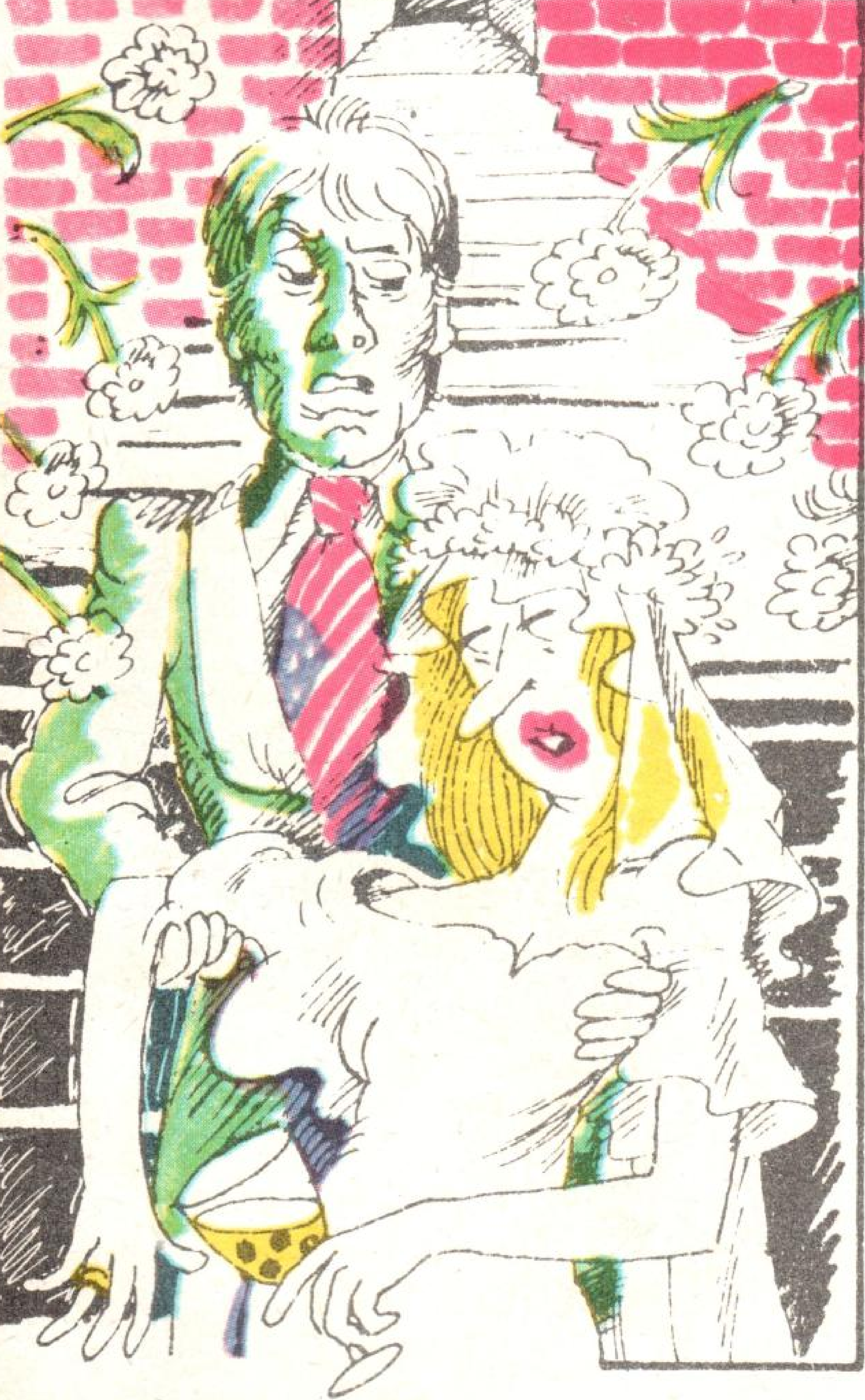

Рис. С. ТЮНИНА

СВЕЧИ, ВСЕ ДЛЯ МЕДОВОГО МЕСЯЦА, БЕСПЛАТНЫЙ МАРШРУТ: МОТЕЛЬ — ОТДЕЛ РЕГИСТРАЦИИ — ЧАСОВНЯ — МОТЕЛЬ, ЦВЕТЫ И ОБРУЧАЛЬНЫЕ КОЛЬЦА НА ВЫБОР, НАШИ СВИДЕТЕЛИ В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ и т. д. и т. п. Услуги, как вы понимаете, круглосуточные (к уже перечисленным можно добавить сауну, кредиты, шиншиля в рассрочку и напрокат...); вы и глазом не успеете моргнуть, как вас оприходуют!

Но что поражает больше всего в этих пышных церемониях и сверхпредупредительных церемониймейстерах, так это стопроцентная уверенность устроителей в том, что предлагаемые ими услуги окажутся не просто формальностью, что сама процедура вашего вступления в брак не будет замутнена здесь ничем пошлым или тривиальным. (Бывают, конечно, осечки. Как-то вечером, часов около 11, я видела, как из церкви вышла невеста в мини-платьице апельсинового цвета и с флёрдоранжем в рыжих волосах, под руку с женихом, который очень смахивал на богатых лопухов-племянников из фильмов вроде «Синдикат Майами». «Мне надо заехать за детьми... Мне надо найти няньку... Мне надо поспеть к вечернему фильму по телику...» — причитала невеста. «Если тебе что-нибудь и надо, — прошипел сквозь зубы жених, заталкивая подругу жизни в «кадиллак», — так это протрезветь». Да-да, Лас Вегас гарантирует вам «чистоту и целомудренность», без чего, по идее, не должна обходиться подобная церемония. Весь день можно видеть на главной улице города живописные группки, застывшие перед объективом фотографа в ублаготворенных позах. Органист исполняет «Любовь — это навеки», а затем несколько тактов из «Лоэнгрина». Мама плачет. Папа, испытывающий некоторую неловкость от новой для себя роли, приглашает настоятельницу распить с ним рюмочку, а та вежливо отказывается, уже беседуя в эту минуту — мысленно — с очередной парой, дожидающейся за дверью. Одна пара выходит, другая входит, над часовенкой зажигаются слова: «Обождите минутку — ИДЕТ ВЕНЧАНИЕ».

Мне довелось в Лас Вегасе присутствовать однажды за столом, где праздновалась свадьба. Все только-только пришли с церемонии; невеста еще была в подвенечном платье, ее мать — в корсете. Официант с постным лицом разлил по бокалам розовое шампанское (за счет ресторана) всем, кроме невесты, слишком, очевидно, молоденькой для того, чтобы ее обслужили. «Хорошо, сынок, поработал, теперь и выпить не грех», — обратился отец невесты к зятю с несколько, прямо скажем, тяжеловатым юмором, учитывая ситуацию: только слепец не заметил бы, что невеста была на четвертом-пятом месяце. Потом всем разлили «по второй», на этот раз уже за с в о й счет. «Ах, все было так мило! — всхлипнула невеста. — Я о таком и не мечтала...»

Перевел с английского
Сергей ТАСК

...ЧЕМ ДАЛЬШЕ ИДЕТ ВПЕРЕД ЦИВИЛИЗАЦИЯ *(речь идет о цивилизации эксплуататорских обществ. — Ред.),* **ТЕМ БОЛЬШЕ ОНА ВЫНУЖДЕНА ПРИКРЫВАТЬ ПЛАЩОМ ЛЮБВИ НЕИЗБЕЖНО ПОРОЖДАЕМЫЕ ЕЮ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, ПРИКРАШИВАТЬ ИХ ИЛИ ЛЖИВО ОТРИЦАТЬ, — ОДНИМ СЛОВОМ, ВВОДИТЬ В ПРАКТИКУ УСЛОВНОЕ ЛИЦЕМЕРИЕ...**

Ф. Энгельс

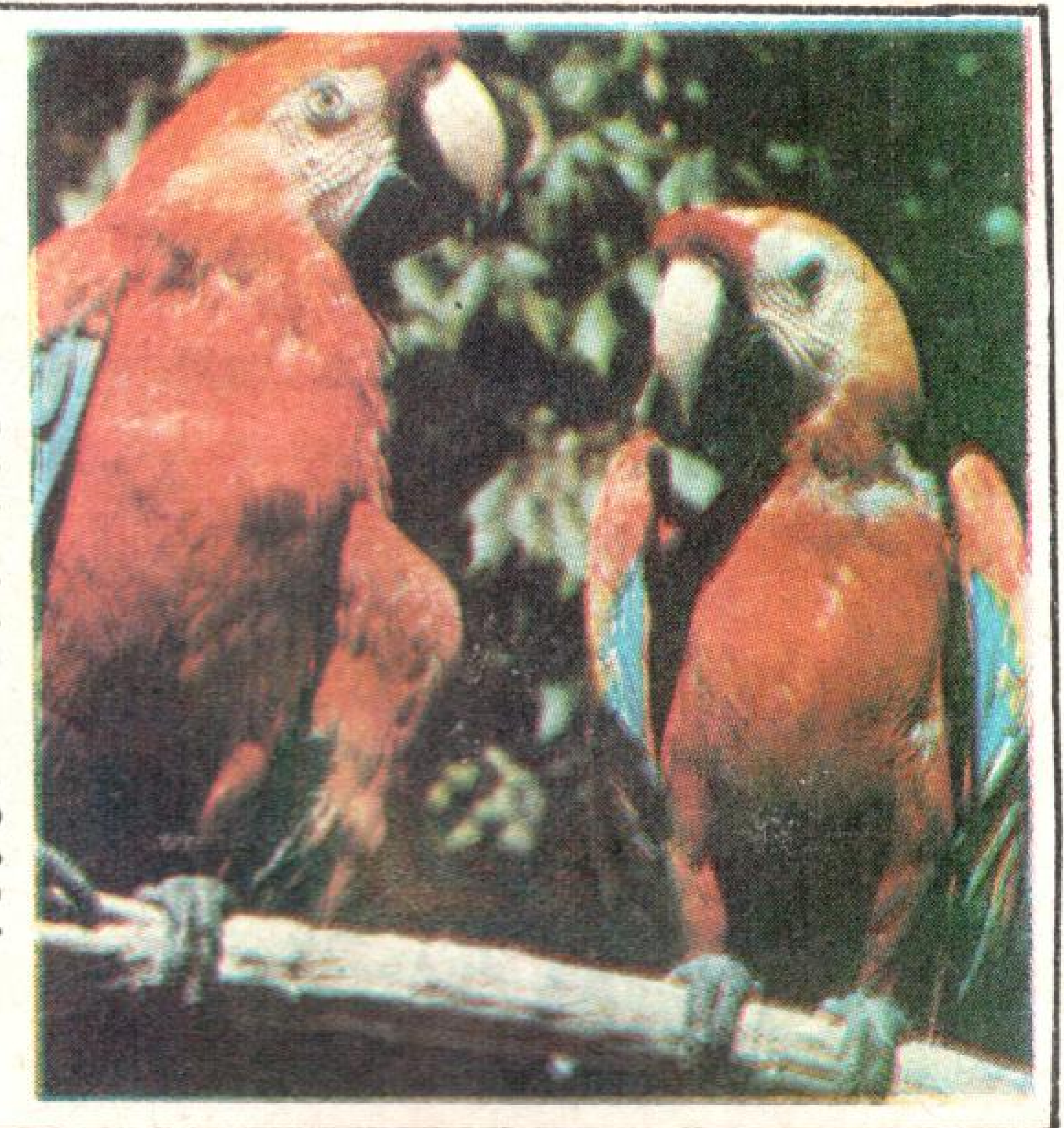

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ, ИЛИ «КТО СЛЕДУЮЩИЙ?»

Вы видите кадр из фильма «Возвращение домой», повествующего о ветеране вьетнамской войны и его жене, которую играет Джейн Фонда (мы писали об этом фильме в № 9 за 1978 год). Вы знаете, что несколько лет назад актриса отказалась от присужденного ей за фильм «Клют» «Оскара» в знак протеста против грязной войны. Ох, как досталось тогда строптивой кинозвезде! Но сейчас война окончена, актриса прощена?

Совсем недавно сенаторы штата Калифорния отказались принять Джейн в Совет штата по делам искусств. Президент Гильдии киноактеров Кэтлин Нолан сказала об этом: «Мы помним стыд пятидесятых, стыд «черных списков» маккартизма. Актер тогда свидетельствовал против актера, писатель — против писателя. Позор «черных списков» грозит нам вновь, и Джейн Фонда первая жертва».

ЖИЗНЬ ЗА ЛЮБОВЬ

Всепоглощающая любовь некоторых людей к пернатым заставляет платить, не задавая лишних вопросов. Хотя было бы небезынтересно, к примеру, узнать, как можно упрятать орла в сушилку для волос, — этот оригинальный контейнер пользуется особой популярностью у «птичьих» контрабандистов.

Эпопея отлова птиц начинается обычно в джунглях Южной Азии или Латинской Америки. Наибольшим спросом пользуются орлы, ястребы и яркие попугаи. То, что из 25 птиц добирается живой до США одна, огорчает лишь Службу по охране природы, но не птицелюбов. Любовь их поистине убийственна: некоторые редкие породы находятся на грани вымирания.

«NO COMMENT!»

Английские «бобби» более не могут похваляться незапятнанной репутацией. Стражи закона взялись, мягко говоря, не за свое дело: помогают организовывать вооруженные ограбления, способствуют освобождению преступников, а о более мелких «проступках», типа избиений участников прогрессивных демонстраций, и говорить не приходится.

Скотленд-Ярд уклоняется от комментариев — «no comment!», но общественности известно, что значительное число офицеров уже освобождены от занимаемых должностей, поскольку находятся под следствием. В Скотленд-Ярде идет чистка. К 1977 году было «вычищено» 400 полицейских с «дурными наклонностями», среди них следователи, обвиненные во взяточничестве, и члены группы, занимавшейся сбытом порнопродукции.

Шеф лондонской полиции сэр Дэвид Макни по прозвищу Молоток в начале своего царствования любил цитировать слова бабушки о белье, приготовленном в стирку: «Вон все, что грязно». Но во время последнего интервью на телевидении он от комментариев по поводу «всего, что грязно» уклонился.

НЕ ОТСТУПАТЬ — ТОЛЬКО И ВСЕГО!

Можно спорить, кому повезло больше — Эйнштейну, который жил в таком веке, или веку, в котором жил такой Эйнштейн. Можно сказать иначе: они были взаимоопределяющи и достойны друг друга — XX век и Альберт Эйнштейн, столетие со дня рождения которого отмечается в этом году. Гениальный ученый, изменивший представления о пространстве, времени, энергии, устройстве вселенной, он остался в памяти людей убежденным гуманистом, человеком с чистой совестью и чистыми руками. После прихода Гитлера к власти он вышел из Прусской академии и отказался от прусского гражданства. В нацистском журнале под его портретом значилось: «Эйнштейн. Еще не повешен».

Наука была его жизнью, но он никогда не ставил науку превыше жизни, ясно сознавая, что она лишь «мощное средство. Как его используют — на благо или для разрушения человечества, — зависит не от средства, а от людей. Ножом можно и убить человека, и спасти ему жизнь. А значит, мы должны искать спасения не в науке, а в человечности». В связи с многочисленными комплиментами по поводу присуждения ему Нобелевской премии Эйнштейн сказал: «Зачем столько слов? Я просто не отступал в своей работе. Вот и все».

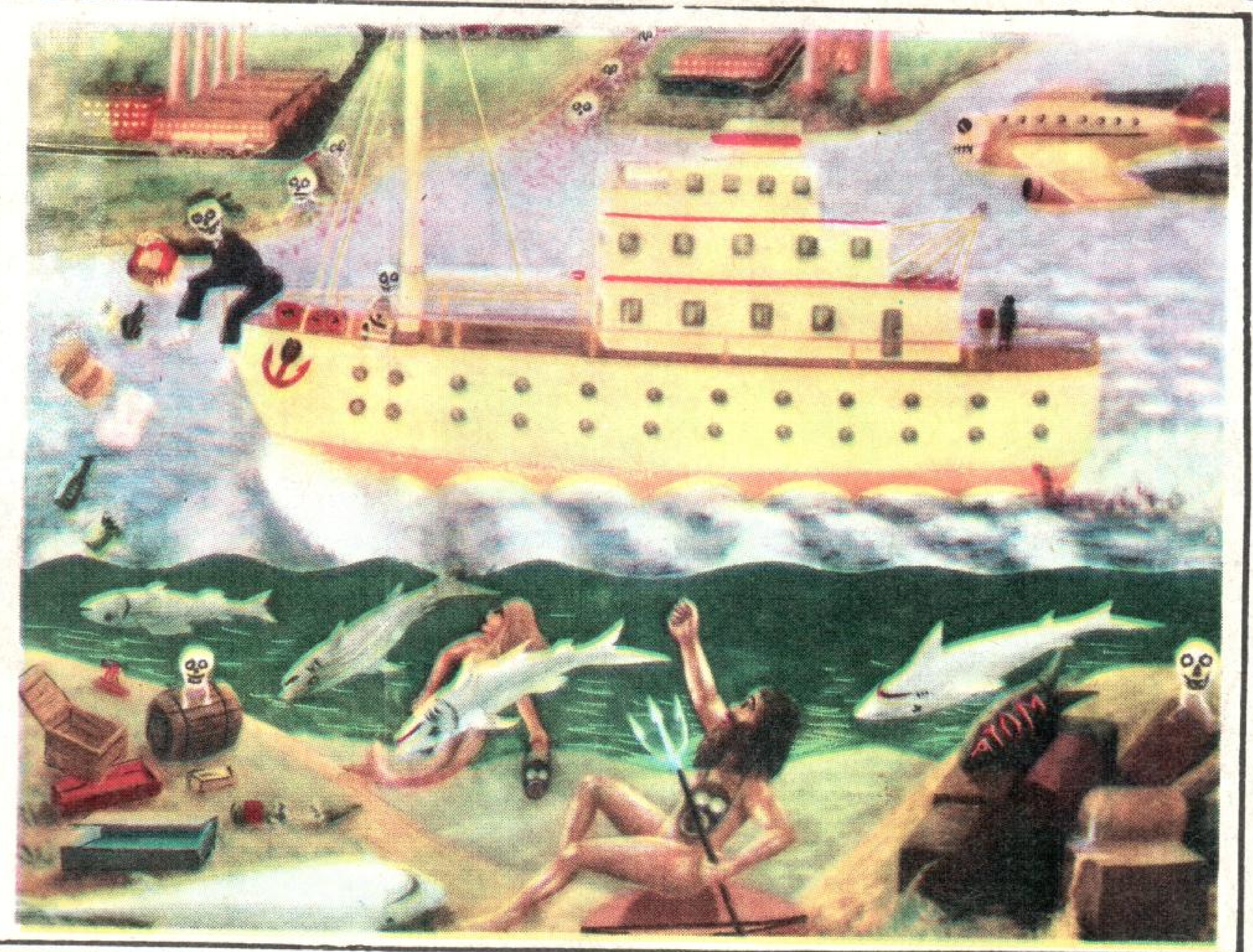
НОВОСТИ МУЗЫКИ. «Современное искусство все более становится пародией на искусство», — заявляет американский журнал «Сатердей ревью». Но концерт, состоявшийся недавно в балтиморском Институте Пибоди, вряд ли можно определить даже таким образом. Ибо как можно квалифицировать то, чего... нет?

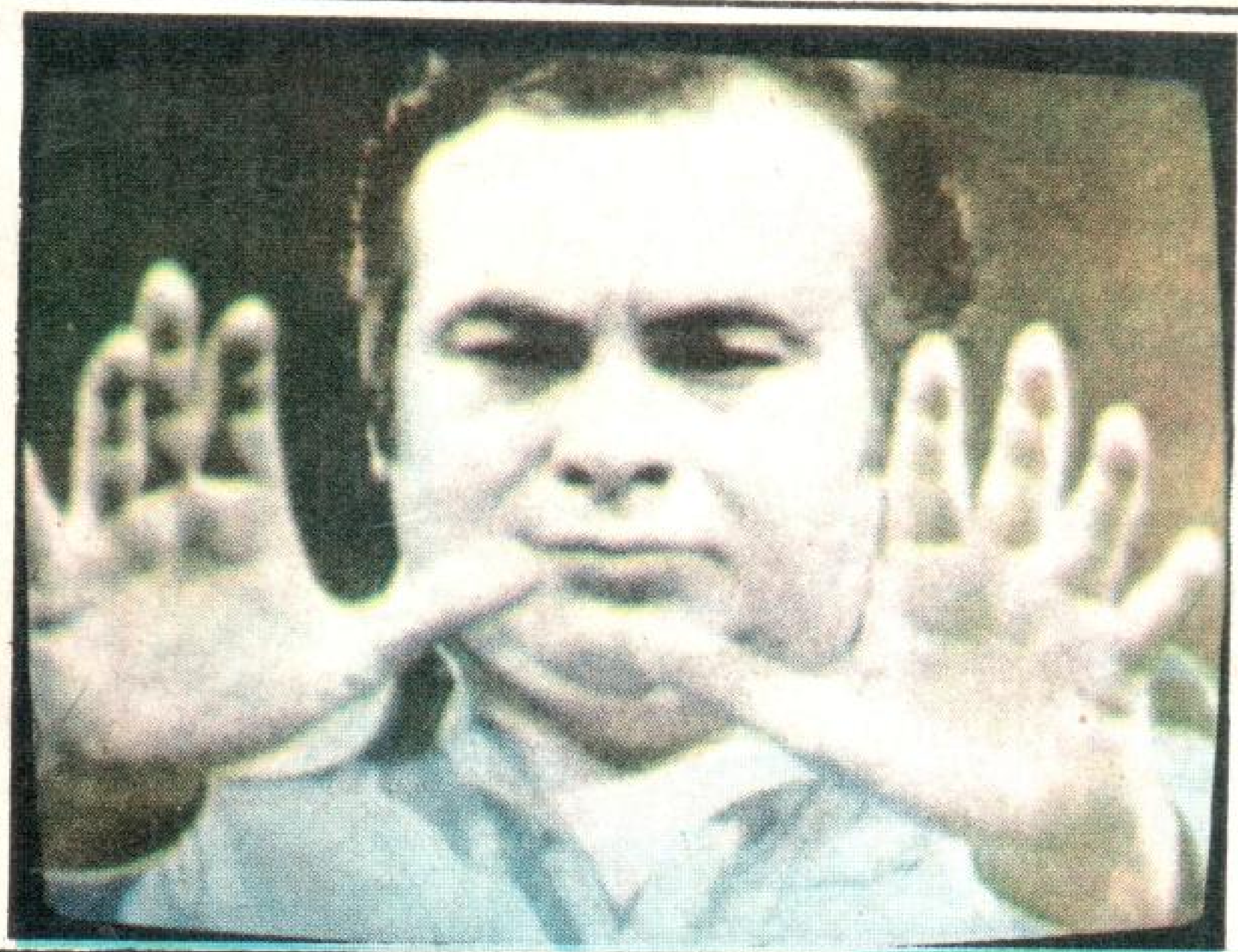
Восемь минут публика слушала новое произведение композитора-модерниста Эдгара Варезе под названием «Электронная поэма», слушала, но не слышала... «Поэма» состояла из восьми минут тишины. Несмотря на это, публика сумела по достоинству оценить новинку. Музыкальный критик местной газеты с присущим ему профессиональным чутьем написал: «Умелое использование тишины и шороха перематываемой пленки — вот что доказывает гениальность композитора». А что делал Варезе? Он смеялся.

А ЧТО РИСУЮТ?

Эта картина принадлежит кисти неизвестного западногерманского художника, хотя проблема, которую он обрисовал, известна не только жителям ФРГ: бог морей, рек и океанов Посейдон грозится отомстить человеку. Но, пожалуй, человек уже отомстил сам себе. По подсчетам ученых, при сохранении таких темпов роста расхода пресной воды ее запасы в ФРГ могут быть исчерпаны в ближайшие 30 лет. А большинство источников ФРГ, на которые делалась ставка при разговорах о будущем, уже сейчас считаются биологически мертвыми.

Вода превращается в предмет роскоши, и война между городами за нее уже началась, причем расход «основы жизни» возрастает с ростом монополий. Правда, при этом в ФРГ не очень-то растут расходы на строительство очистных сооружений, а для производства, скажем, одного автомобиля требуется 380 тысяч литров пресной воды. Профессор технического университета в Ганновере Карл Франц Зейферд говорит: «Человек вполне может обойтись без автомобиля, но без воды... И все же в погоне за радостями цивилизации вода становится самой расточительной статьей расходов человечества».

ТЕЛЕВИЗОР — ТЕЛЕПАТАМ

Итальянское телевидение во власти потусторонних сил. По вечерам звучат с экрана «голоса с того света», гнутся под воздействием пучка умственной энергии ножи и вилки, разъясняет вещие сны «флюидолог» Умберто ди Грация. В сеансах телепатии и черной магии теперь при желании могут принимать участие все итальянцы.

Редакторы этих программ с трудом успевают отвечать на телефонные звонки и письма телезрителей. Одни просят потусторонние силы помочь им в поисках работы, другие жаждут избавиться от надоевшего мужа. Есть и послание, в коем одна синьора клянется, что провела вечер с представителем внеземной цивилизации.

«Увлечение этими передачами, — пишет Тино Бинарелли в журнале «Астра», — как и появление изданий вроде «Газеты тайн», объясняется утратой общественных идеалов. Люди хотят во что-нибудь верить, пусть даже в чудеса».

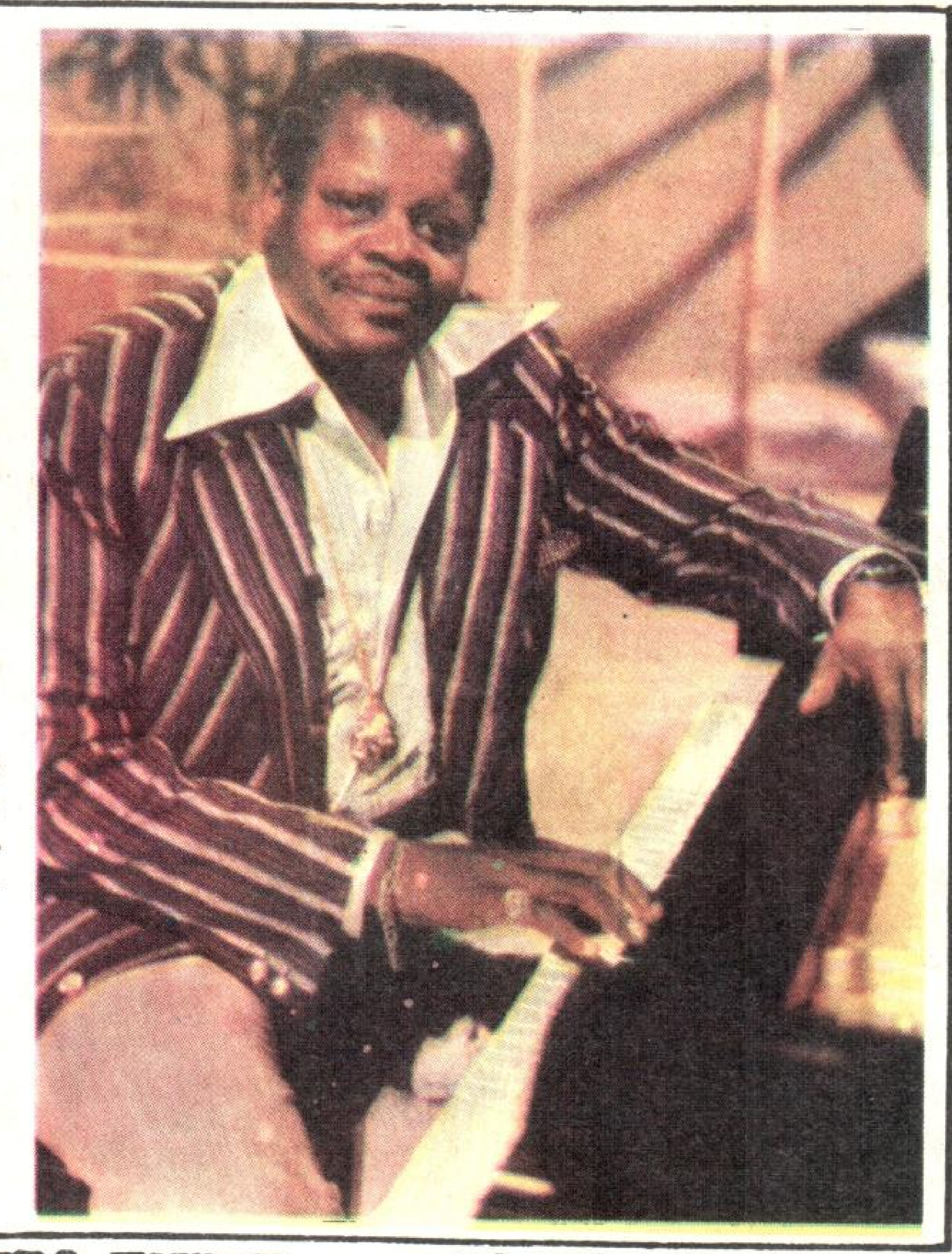
НОВОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Как сообщает американский еженедельник «Парейд», сегодня учащиеся в США получают в школах меньше знаний, чем это было двадцать лет назад, когда учились их родители. Об этом заявил на заседании сенатского подкомитета по делам образования Пол Купермен, автор нашумевшей книги «Миф о грамотности». Он сказал: «В прошлом каждое новое поколение американцев превосходило по грамотности и уровню образования своих родителей. Так было. Но сейчас, впервые в истории США, уровень знаний сегодняшнего поколения настолько низок, что даже близко не подходит к уровню родителей. Рядовой ученик средней школы знает сегодня по сравнению со школьником предыдущего поколения на 25 процентов хуже английский язык; на 35 — всемирную историю; на 30 процентов — географию и на 20 — естественные науки и математику».

ПИАНИСТ

Вот уже тридцать пять лет люди слушают канадского пианиста Оскара Питерсона. Вот уже тридцать пять лет он выходит на сцену, большой, неловкий, смущенно улыбается, трогает своими руками, совсем непохожими на руки пианиста, клавиши, и черные и белые, упрямые, холодные костяшки становятся ручными, они нежатся в его руках работяги, а он извлекает из них музыку...

«Лет семь назад я думал, что все кончено. У меня начался артрит, играть было очень больно. Но я понимал, что переиграть болезнь можно только игрой». И Питерсон победил. Недавно он получил свою третью по счету «Грэмми» — высшую награду для джазмена. А вообще наград его не счесть. «Да они меня и не занимали никогда. Я играю...»

Феномен диско. II сторона

Л. ПЕРЕВЕРЗЕВ

Во второй половине 70-х годов западный мир захлестнула очередная танцевальная эпидемия, как уже не раз случалось в прошлом, но с одним интересным отличием. До сих пор все сколько-нибудь приличные общественные танцы, не говоря уже о великосветских бальных собраниях и столичных дансингах, стремились устраивать под хотя бы и скромный, но все же живой оркестр или небольшой ансамбль, на худой конец довольствуясь одним пианистом, и лишь при полной невозможности достать такового прибегали к патефону, радиоле или уже упоминавшемуся джюк-боксу (последнее почиталось чисто плебейским развлечением). Теперь этот обычай заменен прямо противоположным: высший шик состоит в том, чтобы танцевать в специально оборудованных дискотеках под записанную музыку с диск-жокеем в роли оператора звуковоспроизводящей аппаратуры и распорядителя бала.

Почему? Конечно, не из экономии. Сейчас предпочитают модную дискотеку, где сверхмощные усилители и динамики экстра-класса дают телам вибрационно-звуковой массаж, сверхъяркие цветные вспышки вонзаются как будто прямо в зрительный центр мозга и сверхвсесильный диск-жокей утверждает какую-то магическую власть над присутствующими, запуская и останавливая свой чудовищный джюк-бокс.

Имея в запасе широкий ассортимент пластинок, диск-жокей каждый раз делает из них собственный микс, комбинируя номера с учетом состава, вероятных вкусов и даже настроения собравшейся перед ним, а иногда и специально подобранной им толпы (владельцы некоторых дискотек ежевечерне производят «селекцию» счастливчиков из длинных очередей, стоящих перед их дверьми). Диск-жокей знает, что аудиторию в общем-то не интересует ни оригинальность мелодии, ни лиризм или остроумие текста, ни особенности исполнительской манеры, ни тонкости аранжировки; от музыки, вернее, от своего диск-жокея она требует лишь одного: чтобы ее последовательно и как можно более исчерпывающим образом провели через все стадии танцевального экстаза.

Слово «экстаз» означает выход за границы определенного, обычного, установившегося. Это такое состояние, при котором человек перестает ощущать себя замкнутым в своей индивидуальной оболочке и как бы объединяется в одно целое с другими людьми, с природой, со всем миром. Подобное чувство, отмеченное исключительным подъемом всех духовных и телесных сил, в той или иной степени знакомо большинству из нас. Оно может посетить ребенка, захваченного игрой, художника и ученого, изобретателя и спортсмена в момент творческого порыва, познания истины, решения трудной задачи и упоения борьбой, вообще любого работника, по-настоящему увлеченно занимающегося избранной профессией. Сходное состояние приносят идущие из глубокой древности народные пляски, которыми некогда предварялось и завершалось любое крупное общественное начинание — от весенней пахоты до сбора урожая и от военных походов до закладки новых городов. Экстатические танцы мобилизовали энергию коллектива и сосредоточивали ее на стоящей перед ним цели, а потом давали выход радостному торжеству по поводу удачного окончания де-

ла и тем еще больше сплачивали всех тех, кто принимал в нем участие. Каждый, кто хоть раз пережил такой экстаз, надолго, а то и навсегда сохранял в себе ощущение нерасторжимой связи со своими соплеменниками и черпал силы для своей деятельности.

Нечто похожее, хотя, конечно, в неизмеримо меньших масштабах, можно пережить и сегодня во время танцев под настоящую музыку. Под «настоящей» я имею в виду музыку, создаваемую исполнителями в присутствии танцоров, когда их соединяет непосредственная симпатия, когда возникающий между ними эмоциональный обмен поощряет и воодушевляет обе стороны, когда музыкально-хореографическое взаимодействие становится одним из прообразов идеальных моделей подлинно человеческих отношений.

Но экстаз дискомузыки иного свойства. Он никуда не ведет, ибо замыкается внутри той же дискотеки, никого ни с кем не объединяет (а если и объединяет, то сознанием неисключительности одиночества) и не обогащает. Это экстаз **под фонограмму**, то есть заранее рассчитанное, детально программированное и внешне контролируемое чувственное возбуждение. Оно может вызвать встряску нервной системы, снимать стресс и на время облегчать психическое напряжение, как это делает алкоголь и другие наркотики, но, подобно последним, оно опустошает, а не наполняет; дает разрядку, но не заряжает новой энергией. Привычка же к этому возбуждающему средству заставляет принимать его во все больших дозах, несмотря на то, что прежнего удовольствия и подъема оно уже не вызывает. «Расставание с дискотекой угнетает еще сильнее, чем пребывание в ней после того, как ее положительное воздействие уже кончилось, — констатирует американский журналист Эндрю Копкайнд в статье «Диалектика диско», — биение сердца вовлекается в этот искусственный ритм, и его остановка угрожает смертельным тромбозом».

Сравнение мрачноватое. Наши отношения с настоящей, все равно какой: рок-, джазовой или классической, но непременно живой, музыкой строятся на значительно более здоровых и надежных основаниях. Во время ее исполнения слушатели могут держать себя по-разному: одни благоговейно замирают, другие все в движении, третьи смеются и плачут, четвертые погружаются в отрешенное созерцание — форма их реакции сама по себе не так уж важна. Гораздо показательнее то, как они ведут себя и что чувствуют после. По завершении объявленной программы мало кто сразу же торопится в гардероб, большинство долго и настойчиво аплодирует, надеясь хоть чуть-чуть продлить музыкальную встречу, и часто в этом преуспевает. Но и когда умолкнет самая последняя нота и слушатели двинутся к выходу, они какое-то время остаются коллективом, связанным общностью все еще длящегося переживания. Иногда, стоя уже на улице и медля разойтись по домам, они продолжают вспоминать, разбирать, сравнивать и оценивать прозвучавшие сегодня произведения, хвалить или критиковать какие-то моменты в игре исполнителей и дирижерской трактовке, проводить какие-то параллели и ассоциации с другими концертами и так далее. Иными словами, музыка все еще звучит и все еще действует — теперь уже не вне, но внутри каждого из них; это значит, что она превращается в часть их собственного существа и остается с ними надолго, может быть, навсегда.

Знаете, как завершился концерт «Бони М», с которого мы начали наш разговор о диско? Восторженные (отнюдь не деланные) аплодисменты, сопровождавшие финальный номер, стихли через секунду после слов «концерт окончен», улыбки погасли синхронно с прожекторами, и куда-то исчезло приподнятое, может быть, чуть взвинченное настроение, как будто вместе с электропитанием звуковой аппаратуры у публики выключили и весь ее эмоциональный накал. Быть может, тут были виноваты какие-то единичные, случайные обстоятельства? Нет, каждое выступление этой и аналогичных ей групп заканчивается примерно так же. При всей своей красочности, танцевальном задоре и «кинетичности» формы подавляющее большинство дискономеров мало жизнеспособно в своем содержании, у них очень низкая «эстетическая прочность», они поразительно быстро изнашиваются и нуждаются в непрерывной замене чем-то более свежим. Выражаясь проще, они почти мгновенно приедаются и напрочь утрачивают привлекательность, излучаемую ими в первый момент. Средняя продолжительность жизни, то есть время пребывания дискобоевиков в списках «лучшей десятки», «двадцатки» или «сотни», намного короче той, которой в годы своего расцвета обладали удачные рок-пьесы. Причиной тому вовсе не бесталанность инструменталистов и певцов, дающих дископродюсерам исходное сырье, и не отсутствие мастерства у тех, кто делает микс. Мы сталкиваемся здесь с принципиальной сменой исходных эстетических ориентиров и критериев ценности, то есть с процессом, затрагивающим основы всей популярной культуры в так называемых «индустриальных обществах».

Легковесная, эфемерная и недолговечная дискомузыка конца 70-х годов, играя и шутя, сметает прочь последние остатки мироощущения 60-х, прошедших под лозунгами «контркультуры» и «рок-революции», — таков вывод большинства наблюдателей и критиков, пытающихся описать и осмыслить динамику вкусов и предпочтений определенной части американской и западноевропейской молодежи наших дней.

В самом деле, сопоставив рок и диско по ряду наиболее характерных черт и особенностей, свойственных идейно-художественной настроенности, нравственной атмосфере и общему духу этих двух жанров, мы получим примерно такую картину.

Рок, по крайней мере в лучшие свои моменты, выражал глубокую неудовлетворенность действительностью, он заявлял право на несогласие, критиковал общепринятые установления, отвергал то, что считал морально и эстетически неприемлемым, и звал к переменам.

Диско не собирается ничего менять и хочет лишь продлить состояние эйфории — беспричинно приятного, кружащего голову довольства всем существующим и более всего самим собой, а потому с готовностью принимает любой порядок вещей, лишь бы регулярно получать свою порцию программированного наслаждения.

Соответственно рок превыше всего ставил и упорно искал (хотя и далеко не всегда обретал) подлинность, правдивость и достоверность как музыкально-поэтических, так и человеческих высказываний и переживаний.

Диско ценит именно иллюзорность, придуманность, нарочитую ирреальность своих звуко-зрительных образов, которые не только не выдаются за действительность, но подчеркнуто ей противопоставляются.

И если рок был, как это вообще свойственно подросткам-тинэйджерам, угловат, часто неотесан, задирист, беспокоен, несдержан, иногда просто груб, то диско, заметно повзрослев, демонстрирует обтекаемую приглаженность формы, относительную благопристойность, покладистость, светскость и чувство стиля.

Наконец, по своему происхождению и природе рок уходил корнями непосредственно в народную музыку — кантри и блюз — и довольно долго оставался не профессиональным, а по преимуществу самодеятельным творчеством, чем-то вроде современного фольклора. В силу этого он не имел, да и не мог иметь какой-либо организационно-объединяющей структуры и какого-то общего центра: будучи рассредоточен в своих истоках, он рождался в провинциальной среде и только со временем завоевывал столицу. В любой глуши четверо парней с дешевыми гитарами и подер-

жанными усилителями могли после нескольких лет любительского музицирования в амбаре или на заднем дворе попытать счастья перед публикой ближайшего городка в надежде на то, что при удаче они смогут (как кое-кто до них) пробиться если и не на самый верх, то хотя бы на одну из нижних ступенек пьедестала славы.

Диско — дитя большого города, его колыбель — огромные студии звукозаписи с наисовременнейшим оборудованием стоимостью в сотни тысяч долларов. Свои первые шаги дискомузыка делает в наиболее фешенебельных дискотеках, где получает шумное признание или терпит фиаско и лишь в случае успеха у столичной элиты с молниеносной быстротой распространяется в провинции. Иными словами, это высокоцентрализованная отрасль музыкальной промышленности, обладающая технической и финансовой организацией, руководимая профессионалами — продюсерами и менеджерами вместе со штатными сочинителями мелодий и текстов.

Характерно, что, за исключением нескольких действительно сильных и самобытных вокалистов, таких, как Грейс Джонс, Донна Саммер, Глория Гейнор или Барри Уайт, музыкантам-исполнителям, особенно инструменталистам, отводится в этой системе второстепенная и, безусловно, подчиненная роль. Типична в этом смысле история замысла, дизайна и конструирования (иначе не скажешь) группы «Виллидж Пипл», побившей прошлой весной, всего через два года после ее создания, все рекорды коммерческого успеха в классе не только диско, но также рок- и поп-музыки.

Одна их рекламная фотография скажет нам многое. Шесть дюжих, крепко сбитых, играющих мускулами мужчин — истинных «мачо» [1], буквально кипят и приплясывают от переполняющей их жизненной энергии, словно их внезапно оторвали от любимого дела, увлекательно-напряженной работы и выполнения важных служебных обязанностей, каких именно, гадать не приходится: о том говорят их вид, оснащение и повадки... «Ковбой» размахивает лассо, «монтажник-высотник» в каске и предохранительном поясе вот-вот полезет на строительные леса, «индеец» в головном уборе из перьев издает воинственный клич, «полисмен-мотоциклист» с ног до головы в черной коже проверяет, исправно ли застегиваются наручники, «матрос-негр» изготовился к боевой тревоге, между тем как «негр-адмирал» в крахмально-белоснежном мундире с орденскими планками во всю грудь собирается принимать парад кораблей вверенной ему эскадры...

Их придумал Жак Морали, французский композитор-продюсер-менеджер, несколько лет назад создавший популярную женскую группу «Ритчи Фэмили» и обладающий острым чувством конъюнктуры. «Европеец попадает в Гринвич Виллидж, смотрит по сторонам свежим взглядом и получает массу впечатлений: в дискотеке он видит индейца в перьях (конечно, костюмированного актера), позванивающего колокольцами у стойки бара — ковбоя в джинсах и техасской шляпе, на улице — полисмена, а на стройке — монтажника, и вдруг все складывается, он приходит и говорит: «Мы должны сделать группу под названием «Виллидж Пипл» — так описывает замысел Морали его партнер, сопродюсер и либреттист Генри Белоло. «Он увидел то, что многие иностранцы мечтают увидеть в их прямо-таки мистическом представлении о «настоящих американцах», — ряд сильных и положительных стереотипов американской мужественности», — добавляет Гленн Хьюз («кожаный полисмен»).

Идея родилась весной 1977 года, а уже в июне вышел первый альбом, называвшийся просто «Виллидж Пипл» и включавший четыре песни Морали — Белоло, прославлявшие признанные столицы диско: Сан-Франциско, Голливуд, Файр Айленд и Гринвич Виллидж. Его запись была осуществлена силами анонимных инструменталистов и певцов из персонала крупнейшей дискофирмы «Касабланка»; на обложке же фигурировали соответственно одетые натурщики. Разошлось около ста тысяч пластинок, в жанре диско для тех лет тираж максимальный, но не удовлетворивший честолюбивых продюсеров. Особенно плохо «Виллидж Пипл» шла по радио, и проблема, по словам Белоло, заключалась в том, что публике «не на что было поглядеть». Тогда решено было спешно подобрать группу, подходящую по внешним данным и умеющую как-нибудь танцевать и петь. Это также не заняло много времени, и следующий альбом, «Мачо-Мэн», вышедший через полгода после первого, уже рекламировался по телевидению и на эстраде шестью динамичными молодцами — их сразу же фамильярно прозвали «Пипс», — глядя на которых, каждый зритель и слушатель мужского пола мог ощутить и в самом себе что-то от такого же мачо (хотя бы и чисто воображаемого) и захотеть купить их пластинку.

Третий удар Морали и Белоло готовили чуть дольше и с учетом приобретенного опыта. Предварительный сингл (маленькая пластинка на 45 оборотов в минуту) с одной хит-песней «Ай-эм-си-эй» разошелся в количестве 16,5 миллиона штук (из них 4,5 миллиона в США, остальные за границей); альбом с этим же номером под названием «Крузин» («Крейсируя») к весне 1979 года принес группе, вернее ее хозяевам, «двойную платину», то есть два миллиона проданных экземпляров.

Лестер Бэнгз, рецензируя «Крузин» в журнале «Роллинг Стоун», с музыкально-поэтической стороны аттестует его как «бессодержательную чепуху, несомненно, заслуживающую мусорной корзины». Астрономический же тираж и сенсационный успех альбома у самых широких слоев покупателей независимо от их пола, возраста и прежних жанровых предпочтений рецензент объясняет так: с появлением «Виллидж Пипл» определенный тип мироощущения, ранее весьма сомнительный и внушавший известную настороженность, получает как бы высшую морально-социально-политическую санкцию и превращается в признанный общественный институт. «А ведь все любят институционализацию: скажем, едете вы туристом в любой город и везде находите закусочные Мак-Дональда. В этом есть что-то приятно-успокаивающее, вам словно говорят: «Вы дома». Квантовый скачок «Виллидж Пипл» имеет ту же основу: «Ребятишки Жака Морали» — это всемирная цепь музыкальных закусочных с первоклассным аудиовизуальным оборудованием, все в натуральных цветах и насквозь просвечивается, где вас обслуживают быстро, функционально и стерильно чисто». Конечно, замечает критик, «калорийность невелика, но кто жалуется? Непрерывный поток быстропреходящих раздражителей, бьющих по нервам, но не несущих никакого значимого содержания, есть как раз то, что позволяет Америке функционировать в качестве той энергично-щеголеватой, повышенно оживленной, застегнутой на «молнии» целостности, которую она представляет собой сегодня. «Пипс» всегда говорят «да», они Всеамериканцы!»

Чему же говорят «да» эти полномочные представители всеамериканского «танцующего большинства», с чем именно они предлагают солидаризироваться, что конкретно сообщают своей аудитории? По мнению Бэнгза, «Пипс» фактически проповедуют одну-единственную идею, которую можно сформулировать так: мир есть гетто, не старое, мрачное, гнетущее место насильственного поселения дискриминируемого меньшинства, но прекрасно обставленное, комфортабельное, вполне современное дискогетто, и жить или, по крайней мере, проводить в нем свой досуг куда безопасней, приятней и легче, нежели в пугающе безграничных пространствах за его пределами. Ибо внутри его мерцающих, вспы-

[1] *Так на латиноамериканский манер принято называть теперь в США «образцовых» представителей сильного пола, агрессивно подчеркивающих свою мужественность, опять-таки в полную противоположность хиппи. — Примеч. авт.*

хивающих, переливающихся радужных стен ничего не меняется, не несет неопределенности, не таит угрозы — ни регулярно-пульсирующий бит, ни раскованно-фамильярные отношения с другими людьми. Правда, чтобы достичь там ничем не омрачаемого блаженства, нужно сделать одно не такое уж большое усилие: отделаться от сознания собственной индивидуальности (а значит, и личной ответственности), заменив ее одним из услужливо предлагаемых вам уже готовых идеальных стереотипов: «Станьте таким, и вы будете счастливы!» И самое главное, ставши таким, как одна из пляшущих перед вами фигур — чемпионов диско, — вы достигнете такого (пусть хотя бы кажущегося) внешнего совершенства, при котором никого другого, кроме самого себя, вам уже просто не понадобится.

Та же идея фактически, что и в «Лихорадке субботнего вечера», где главный персонаж переживает звездный час своего хореографического триумфа лишь после того, как начинает выступать соло. «Вопреки самому себе фильм говорит правду о смысле современного дискофанатизма, — отмечает Альберт Голдман в журнале «Эсквайр», — когда показывает, какое это счастье — упоенно танцевать в одиночку, и сколь тягостны, утомительны и в конечном счете напрасны любые попытки достичь взаимопонимания с каким-либо другим человеком, даже с твоим партнером по дискотеке».

Так замыкается круг: на какую бы мелкую и, казалось бы, ничтожную грань и особенность дискофеномена мы ни взглянули, повсюду нам открывается регулярная повторяемость, тесная взаимосвязь и логическая закономерность составляющих его фактов, событий и процессов. Закономерность движения от спонтанного человеческого импульса, творческого прозрения, художественного открытия к механическому опредмечиванию, коммерческой эксплуатации и превращению в ходкий товар; от желания вернуть жизненность записанной музыке к устранению из нее всякой естественности; от радостного общения свободных личностей к самоудовлетворенному одиночеству марионетки.

Есть ли выход из этого круга? Наверное, если такой выход и возможен, искать его следует не столько в каких-либо музыкально-художественных усовершенствованиях и даже не в появлении каких-то небывалых талантов, сколько в изменении основных социально-культурных позиций, психологических установок и ожиданий со стороны тех, чьи потребности удовлетворяет и вместе с тем усиленно разжигает и формирует нынешняя дископродукция. Как и когда подобное изменение произойдет, никто не может сказать с уверенностью; одни пророчат дискомоде очень быстрый закат, другие сулят устойчивый успех на протяжении, по крайней мере, еще целого десятилетия. Конечно, было бы в высшей степени неосмотрительно и несправедливо отказывать целому жанру в каких бы то ни было достоинствах или объявлять его лишенным всяких перспектив в будущем. В частности, ряд критиков возлагает большие надежды на развитие более усложненных форм типа дискосюиты, дискодрамы и дискооперы — первые опыты такого рода уже появились. Но так или иначе любое суждение о феномене диско рискует оказаться односторонним и несправедливым, если оно не примет во внимание всех тех фактов и обстоятельств, которые мы уже установили и которые полезно еще раз кратко суммировать в порядке заключения.

У истоков диско стоит живая музыка (пусть не такая уж возвышенная и утонченная, но зато правдивая и открытая) и желание сделать технику проводником эстетического воздействия (хотя бы и детски наивного). Однако дальнейшее течение дискомузыки и дископрактики в целом все в большей степени направлялось, а затем полностью слилось и поглотилось интересами дискобизнеса. Последний же заинтересован в производстве таких средств манипулирования эмоциями, которые в момент выпуска имели бы максимальную эффективность (а значит, и сбыт), но после насыщения ими рынка тут же теряли бы свою силу, поощряя тем самым новый спрос, расширенное воспроизводство, еще более быструю самоликвидацию и так до бесконечности.

Рано или поздно и тут, разумеется, должен наступить кризис (Фрэнк Фариан, дизайнер и менеджер «Бони М», предусмотрительно уже создал на смену последним новую группу — «Эрапшн»), но сегодня дискобизнес процветает, все более успешно конкурируя с фактически подготовившим его приход «рок-бизнесом.

Ну ладно, может сказать читатель, такова история, психосоциология и экономика феномена диско. Так ли уж обязательно размышлять о них, когда мы просто с большим удовольствием танцуем под дискомузыку?

Конечно же, нет. Но их невредно иметь в виду, когда мы задумываемся над тем, из чего складывается, чем определяется и в каком направлении развивается наш музыкальный опыт. Особенно когда мы размышляем над путями дискотечного движения в нашей стране. Судя по материалам многочисленных смотров, конкурсов, семинаров, проведенных по этой теме за последние два-три года, здесь наблюдается отчетливое стремление противостоять штампам профессиональной коммерческой дискотеки. Объективные предпосылки к этому налицо:

Во-первых, подавляющее большинство наших дискотек возникает в рамках местной инициативы, то есть создается самой молодежью ради удовлетворения ее собственных эстетических и культурных нужд.

Во-вторых, организационные формы, техническое оборудование, программирование и конкретное ведение сеансов в таких дискотеках носит преимущественно самодеятельный характер.

В-третьих, что, пожалуй, самое важное, — самодеятельные молодежные дискотеки проявляют тенденцию постепенного перехода от программ развлекательно-танцевальных к программам тематическим, в основе которых лежит то или иное сюжетное зерно, причем не обязательно только музыкальное. Начинаясь, как правило, с рассказа о какой-либо особенно популярной рок- или дискогруппе, такие программы мало-помалу захватывают и пьесы других стилей и жанров: джаз, народную музыку, даже классику (иногда в рамках одного сеанса). Одновременная проекция слайдов с текстом русского перевода песенных текстов заставляет аудиторию более внимательно относиться к поэтической стороне прослушиваемых произведений; нередко затем поэзия привлекается в качестве основного содержания некоторых программ. Параллельная демонстрация разнообразного визуального материала — фотографий артистов, документальных кадров, репродукций живописи и т. д. — нередко дает толчок к созданию программ, посвященных изобразительному и театральному искусству (например, балету) и т. д. Короче говоря, основной принцип дискотеки — живой, непосредственный, импровизационный способ подачи «записанных» и специально смонтированных звуко-зрительных образов — приложим практически к любому материалу, начиная от истории родного края и кончая репортажем о местных или мировых событиях общественно-политической, художественной и культурной жизни.

Это отнюдь не означает категорического отказа от чисто танцевальных сеансов, обеспечивающих дискотеке ее исходную популярность и притягательность и служащих как бы входом, первым шагом в направлении более сложных и разнообразных форм ее деятельности. Но о подлинно перспективном движении можно говорить лишь при том условии, если дискотечная практика не будет замыкаться только на танцах в собственных стенах и сумеет установить контакт с другими сферами художественной и вообще творческой активности, то есть станет не самоцелью, а средством эстетического развития и культурного роста.

КРУТИСЬ, ЭПОХИ КОЛЕСО!

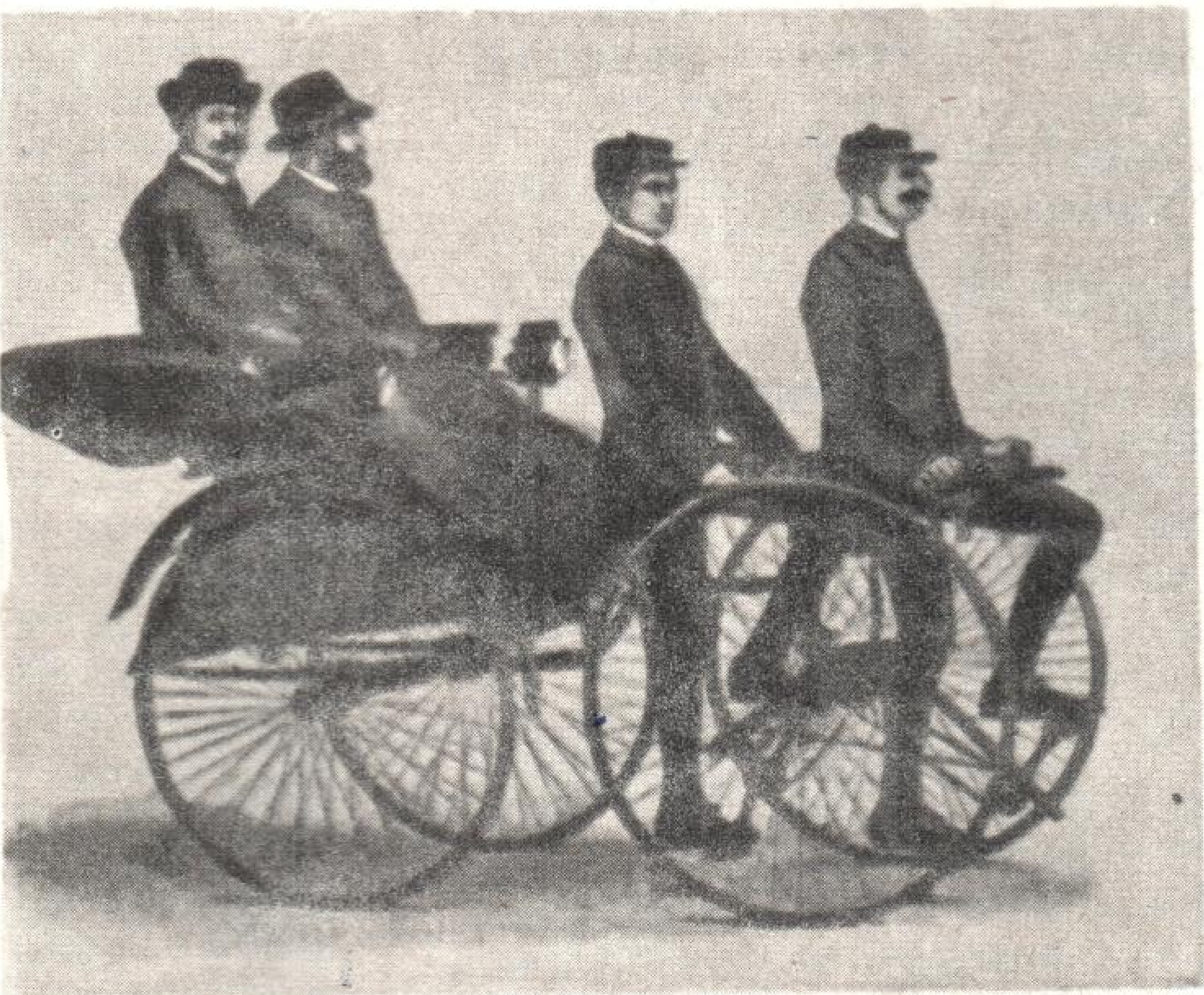

Александр ШУМСКИЙ

И я готов сказать, на эти снимки глядя: «Хвала создателю!», но это невозможно. Ибо создателей много, а велосипед один (в широком смысле один. Как, допустим, самолет или самовар). И поэтому невозможно вспомнить всех поименно — изобретателей велосипеда. Однако памятник себе они оставили достойный. И молва о первых или слава (называйте как угодно) дошла, а вернее, доехала до нас и будет ехать дальше, не загрязняя воздуха выхлопными газами...

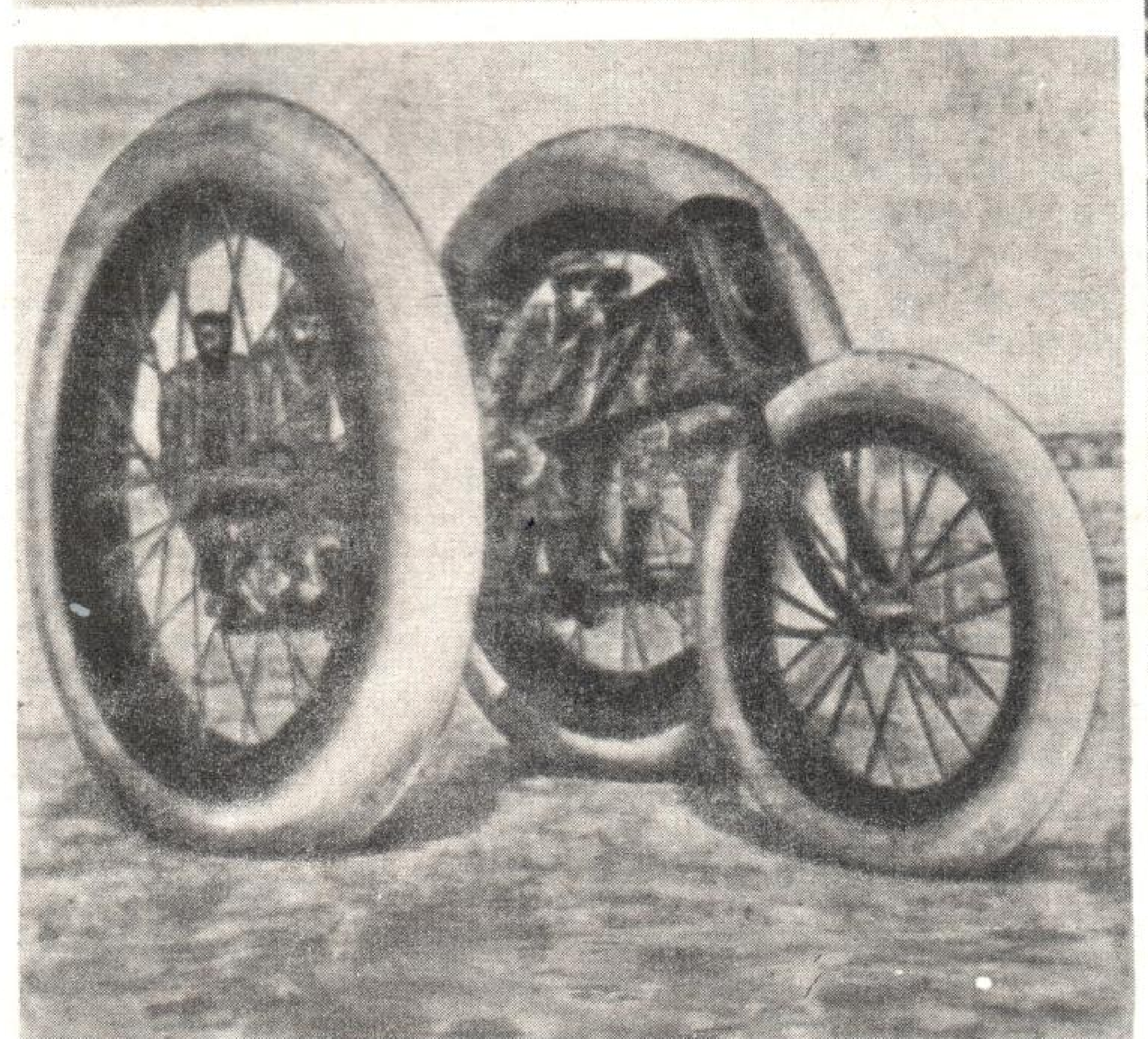
Так давайте (конечно же, мысленно) на своих дорожных или гоночных развернемся сегодня, хоть единственный раз не по правилам, и прокатимся по истории, как по трассе традиционной международной велогонки. Только в сторону старта.

Команды готовы? Поехали!..

Год 1817-й. «Первого августа германская газета «Карлсруэр цайтунг» сообщила об оригинальной повозке с двумя вращающимися колесами, расположенными одно за другим, верхом на которой барон Карл Фридрих Христиан Людвиг Драйз совершил свой первый выезд из Зауербронна. Отталкиваясь ногами от земли, он преодолел 14 километров за сенсационно короткий срок — 60 минут. В том же году барон Драйз заключил пари и установил рекорд дальности. За четыре часа он проехал ровно 70 километров — расстояние от Карлсруэ до Келя. Срочному почтовому дилижансу нужно было в четыре раза больше времени, чтобы проделать этот путь».

...Я представляю счастливое лицо барона-рекордсмена: волосы на лбу блестящие и мокрые от пота и от бриолина, галстук-бабочка набоку... В кармане френча белые перчатки, а на ногах высокие, в пыли (о, как они скрипели по дороге!) из настоящей кожи сапоги... И пораженные борзые гнались за повозкой, и лаяли, и отставали, высунув язык. А барон улыбался в усы...

Это нам теперь кажется, глядя на снимки, что они напряженно-серьезны. И мы ошибаемся, думая, что серьезны они были постоянно, как мы ироничны всегда. Это глупость. И доказательство тому велосипед. Разве мог человек угрюмый, скучный, воображения лишенный, придумать эту шутку на колесах? В самой идее велосипеда есть дух независимости. Меняются диаметры колес, а дух независимости вторую сотню лет остается величиной постоянной. И не влияют на него, и не влияли никогда чужие и дорогие лошадиные силы; ремонтные работы на путях пригородной железной дороги; толпы на бензоколонках; капризные и беспричинно изменчивые, как характер глупой первокурсницы, интервалы движения городского транспорта; и очереди, очереди, очереди... Как он их плавно объезжал!

Поехали дальше?

Год 1853-й. Все в той же Германии слесарь из Оберндорфа Филипп Моритц Фишер сделал вращающиеся по своей оси педали на деревянной двухколесной машине — прямо на переднем колесе. И на этой машине, придуманной не для забавы, Филипп всю жизнь ездил к клиентам со слесарной сумкой на боку. А мясник из соседней лавки всю жизнь ему смеялся в спину и пальцем у виска крутил.

И, умирая, слесарь Фишер завещал машину сыну Фридриху. И тот открыл завод по производству велосипедов и стальных шарикоподшипников. Это уже был 1884 год. И дело, которым занимался Фишер-младший, теперь никому не казалось странным. Потому что во Франции, в Париже например, каретный мастер Пьер Мишо изобретал велосипеды с 1861 года и продавал их по 500 золотых франков за штуку. Назывались они «мишолинами». И когда они попали в Испанию, один тореро (имя неизвестно) во время корриды в Бильбао выехал на арену на «мишолине», и удивленный бык обнюхивал колеса, от которых пахло керосином, как от желтой лампы в сарае, где он родился и вырос. И бык протяжно замычал, а публика ругалась...

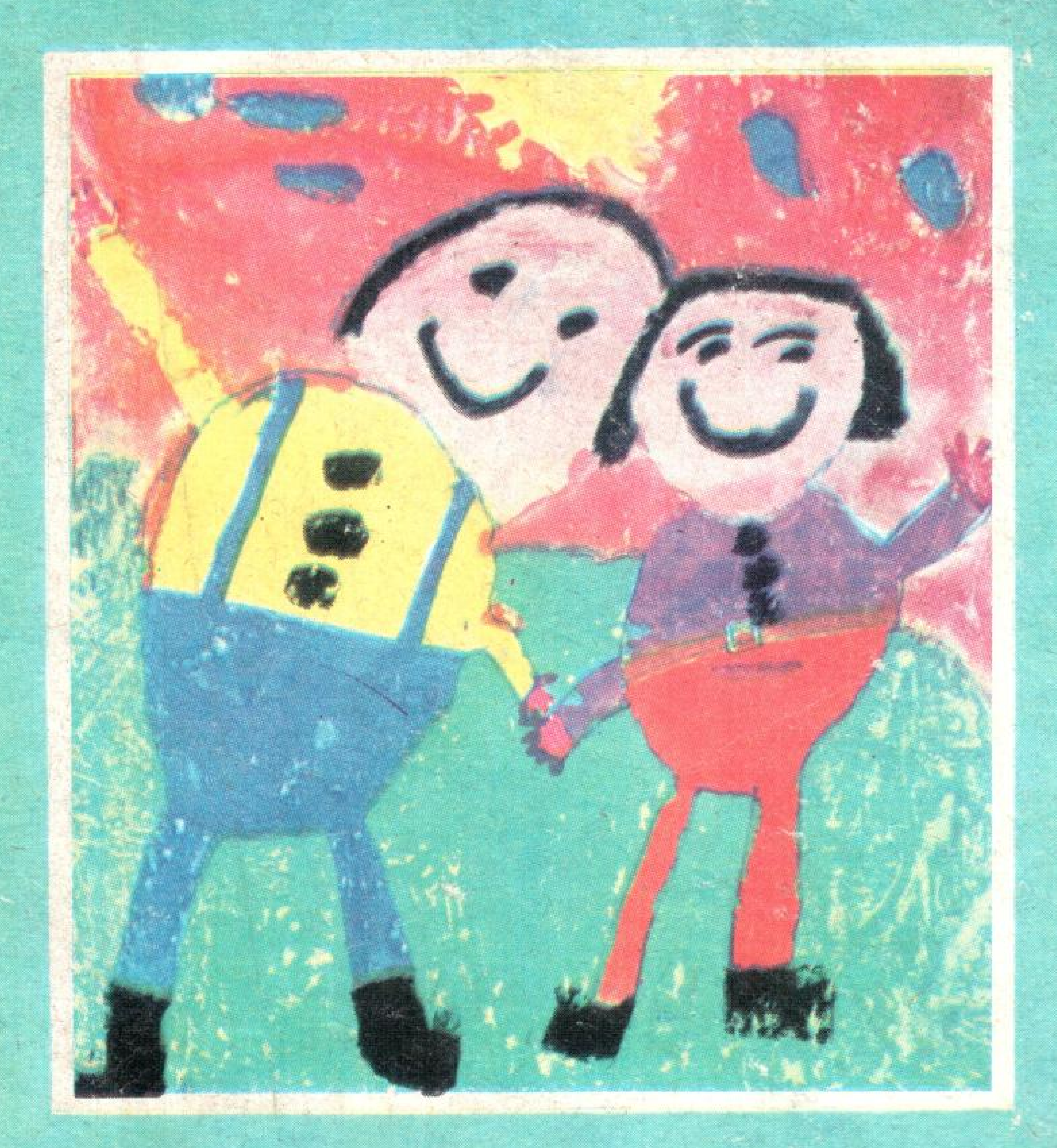
Какой еще дух, кроме упомянутого духа независимости, несут на себе два тонких с серебряными спицами колеса через эпохи? Естественно, спортивный.

Год 1873-й. В Шотландии состоялся первый велопробег на 1100 километров. Победитель находился в пути 15 суток. Это было начало. А велосипеды, как лошади когда-то, уже въезжали в цирки, балаганы, в уличные праздники и становились здесь обычными, как веера, шары и фейерверки. Король ковбоев Самуэль Франклин Коди в начале 90-х годов того столетия устроил состязание велосипедиста с наездником. (Сам он был на коне.) Коди вызвал на поединок Йозефа Фишера, победителя велогонок Вена — Берлин и Милан — Мюнхен. Они бились как в сказке: три дня. Американец менял лошадей как перчатки, загнал десяток лучших скакунов. И проиграл велосипеду! Свидетели уверяли, что средняя скорость велогонщика Фишера была 37 километров в час. Одно могло бы утешить проигравшего ковбоя. То, что современный рекорд скорости принадлежит американскому велосипедисту, доктору Аллану Абботу: 223,126 километра в час. Аббот установил свой фантастический рекорд на соленом озере в Бонневиле (штат Юта). От встречного ветра его прикрывал гоночный автомобиль.

Но король ковбоев Самуэль Коди не мог знать этого факта, потому что время — это улица с односторонним движением. А Коди жил в узких улочках XIX века, как вы понимаете.

...Вот о чем я вспомнил, обгоняя на своем спортивном «Спутнике» орловского тяжеловоза в 10-м проезде Марьиной Рощи. На козлах сидел старик в брезентовой накидке и ласково правил, быть может, последней грузовой московской лошадью. Да и сил лошадиных в ней осталось, наверное, меньше, чем в моем независимом, оранжевом, спортивном «Спутнике».

И я готов сказать, на эти снимки глядя: хвала создателям велосипеда.

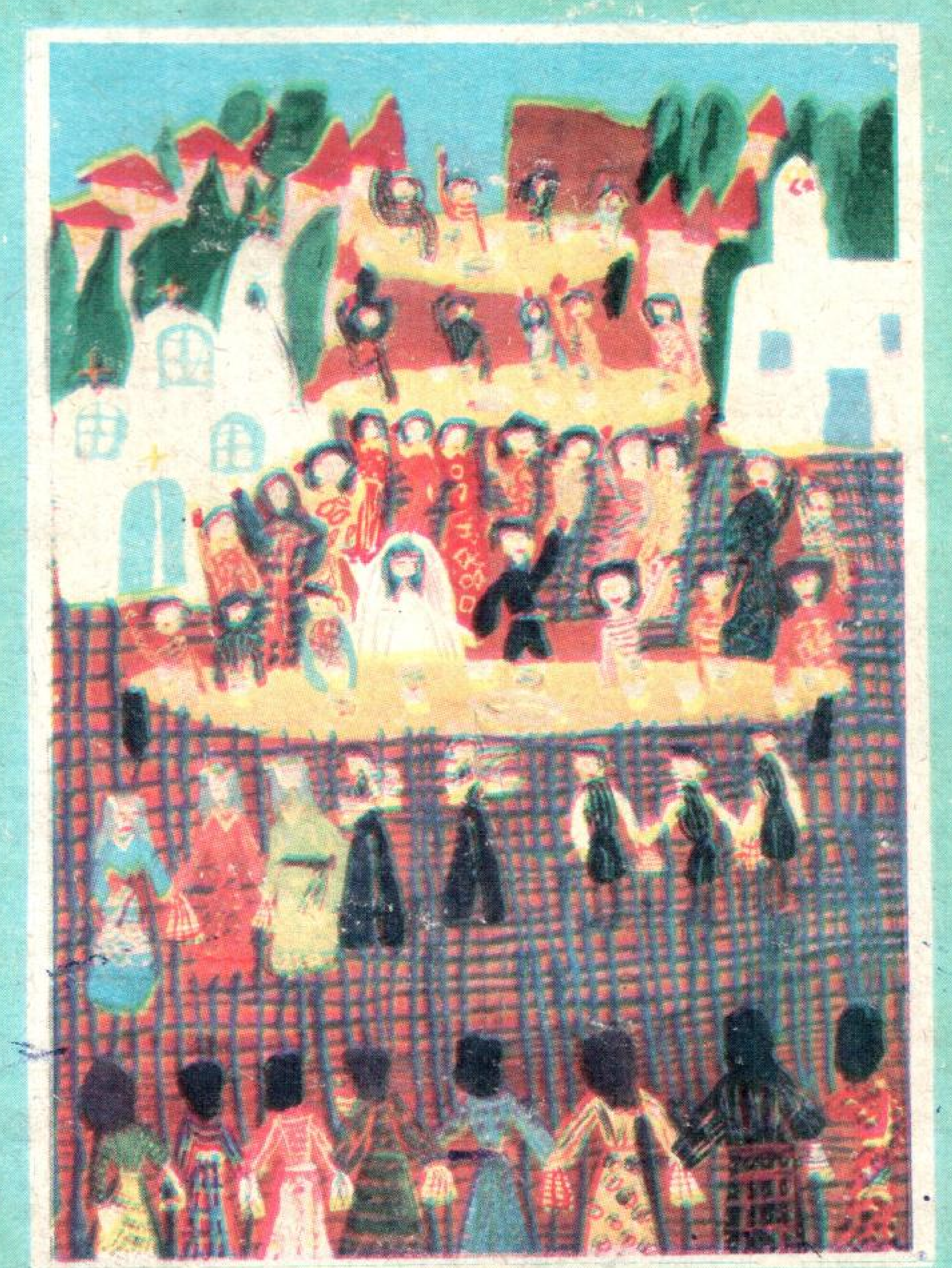
В этом году, провозглашенном Организацией Объединенных Наций Международным годом ребенка, ЮНЕСКО провела конкурс детских рисунков под девизом «Моя жизнь в 2000 году». Всего на конкурс поступило 600 тысяч работ из более чем восьмидесяти стран. Здесь мы представляем рисунки призеров конкурса (справа — по часовой стрелке);

Кира Сорочкина, 7 лет, СССР.
Эвентия Хаджимарку, 11 лет, Кипр.
Сандра Чези, 6 лет, Австрия.
Цуоши Ито, 4 года, Япония.
Торбен Ларсен, 8 лет, Дания.

Индекс 70781
Цена 25 коп.